

Архимандрит Херувим

Из удела
Божией Матери

Ностальгические воспоминания

Перевод с новогреческого Сергея Говоруна

Святая Гора Афон
2017 г.

НАШЕ БРАТСТВО - ДУХОВНАЯ ТЕПЛИЦА

Моя жизнь в каливе текла ровным потоком, осеняемая благословением Божиим и молитвами старца. Все здесь для меня стало глубоко родным. Личность каждого из братьев производила на меня свое благодатное воздействие. Каждое их движение, слово, выражение оставляли глубокий след в моей новой жизни. И я, насколько мог, старался подражать им в суровых подвигах.

Я был еще новоначальный. Старец каждый вечер принимал от меня исповедание помыслов и внимательно следил за моим духовным состоянием. Я делал свои первые шаги в монашеской жизни. Мне нужна была ежедневная поддержка. Моя келия, как я уже говорил, располагалась рядом с келией старца. Он имел обычай после вечера читать духовные книги. Часто, когда ему попадался отрывок, который мог быть для меня поучительным, он звал меня к себе.

Помню один такой случай. Когда он од-

нажды позвал меня, я застал его поглощенным чтением. Я немного подождал стоя, пока он не позволил мне сесть.

Послушай и ты, дитя мое, что я читаю. Может, ты этого еще не читал, или, если и читал, не уделил должного внимания.

Он зачитал мне один замечательный отрывок из жития святого Андрея, Христа ради юродивого, в котором Святой рассказывает, каким он видел Рай, когда одной зимней ночью, будучи засыпан снегом, был духовно восхищен из этого мира в страну Света. В этом отрывке Святой пытается человеческими словами описать неопишемое и с помощью образов нынешней жизни обрисовать картину будущей.

Это описание настолько взволновало, настолько захватило старца, что в какой-то момент он прервал чтение, закрыл книгу, немного помолчал и, вытирая слезы, сказал мне:

– Подумай, дитя мое, что нас ожидает! «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не

приходило то на сердце человеку»¹. Какой жизнью мы будем жить на небе! Что узрим! Что услышим! Что вкусим! И, однако, сколь мало и незначительно наше стремление к стяжанию всего этого!

Никогда в своей жизни не теряй этого ориентира: все, что говоришь, все, что делаешь, все, что думаешь, – все измеряй мерками вечности. Никогда не малодушествуй, не останавливайся перед трудностями, трудами и потами, которых требует от тебя твое посвящение. Нужно многое отдать, отдать все, что имеешь и чего не имеешь, чтобы, как хороший купец, выкупить многоценную Жемчужину – Царство Небесное.

Этими словами старец укрепил мою волю, возвысил мою мысль и, уверившись в этом, отослал меня отдыхать.

Была зимняя ночь: дождливая и ветреная. Все отцы отдыхали, а я не мог сомкнуть глаз. Святой Андрей, Христа ради юродивый, стоял у меня перед глазами. В моей

1 1 Кор. 2, 9.

голове кружились слова старца, его слезы, стремление к небу, препятствия, жестокая борьба со страстями и дьяволом, терновый путь к небесному Иерусалиму, мои братья, наш скит, Святая Гора, наша воинствующая и торжествующая Церковь, вечность...

Прошли часы, а я все не мог заснуть. Смотрел из своего окна на весь наш скит, который был погружен в темноту. Здесь, – думал я, – проходит передовая линия моей битвы с мысленным врагом. Я был новобранцем, только начал борьбу. Удастся ли мне достигнуть конца, победы, о которой мечтал с самого детства? Вдруг во мне появились какие-то колебания: истинные монахи отдали кровь и приняли дух. Получится ли у меня то же самое?

Не знаю, сколько продолжалась эта борьба помыслов. Обычная борьба, без которой нет подвижания. Она прекратилась, когда мое сердце с доверием положилось на милость Господню, не прекращая призывать Его имя.

Я почувствовал, как мною овладел лег-

кий сон, так что я даже не был уверен, были это сон, когда посреди бесконечной тишины ночи я вдруг услышал, как стройный хор очень умирительно, очень торжественно, захватывающе поет ирмос: «Царя Небеснаго, Егоже поют воинства ангельские, пойте...» Я вскочил с кровати, переполненный изумлением и неопишуемой радостью. Боже мой, каким величественным был этот гимн, эти небесные голоса! Сначала я не мог понять, где нахожусь, что я в своей келии. Внезапно, сам того не понимая, я заплакал от благоговения и радости. Утром, после службы, я немедленно побежал к старцу и рассказал ему о происшедшем ночью.

– Единственное объяснение, какое я могу дать, – ответил мне старец – это впечатление от того, что мы вчера прочитали о святом Андрее.

Я поблагодарил его и приступил к своим обычным послушаниям. Однако еще долго эта неземная мелодия звучала в моих ушах и услаждала мое сердце, пусть и имела под собой субъективную основу.

Ежедневное духовное руководство нами лежало на отце Иоакиме, преемнике нашей каливы. Он был чудесным педагогом. Его любовь следовала за нами повсюду. Он пользовался каждым удобным случаем, чтобы укрепить нас. Очень великодушный, но, с другой стороны, непоколебимый в своих принципах.

Как самому младшему, мне поручали работу, которая была мне по силам: мыть тарелки, подметать пол и т. д. Отец Иоаким хотел, чтобы всякая работа делалась с рассуждением и порядком. Одновременно он стремился, чтобы работа была инструментом, который бы оттачивал наш характер. Часто, когда я мыл тарелки, а зима тогда выдалась суровая, мои руки деревенели от холодной воды. Тогда он подходил ко мне и говорил с любовью:

– Малыш, «люта зима, но сладок рай». Закалка и боль освобождают нас от зла внутри нас и от страстей.

Присутствие и слово отца Иоакима под-

бадривали меня. Однако иной раз я оставался равнодушен ко всякому человеческому утешению и чувствовал себя плохо. Действительно, что происходит в душе новонаначального? Какие испытания, какая борьба, какие искушения, какие нападения дьявола, направленные на то, чтобы остановить молодого монаха, сбить его с истинного пути к равноангельской жизни?.. Новонаначальные, когда подвизаются и побеждают, являются величайшими героями.

В тот первый год, помню, мне было особенно тяжело в сезон сбора маслин. Эта работа пришлась к тому же на период моей внутренней борьбы с эгоизмом, со старыми привычками и недостатками. Каждый раз после обеда меня мучила нестерпимая головная боль. Находясь в таком состоянии, я попросил старца, чтобы он позволил мне заняться другой работой. Он принял мою просьбу, и мне было поручено готовить пищу и убирать каливу.

Когда блаженный отец Иоаким узнал от

старца о моей просьбе, то составил следующий план. Масличные деревья росли на территории нашей каливы. Когда у него не было нужды находиться там, он приходил в каливу и подходил ко мне с тем, чтобы помочь мне. Однажды он сказал:

– Малыш, у тебя голова болит, да? А ты еще не помазывался маслицем из лампадки Богородицы, чтобы прошло? Пойди, прочитай также тропарь Ее Рождеству.

– Благословите, – ответил я и сделал так, как он мне сказал.

– Теперь головная боль прошла?

– Нет, отче, – ответил я.

– Э, тогда это не голова виновата. Должно быть, что-то другое случилось, потому что Богородица является здесь врачом и исцеляет все болезни. Может, тебе нужно было бы пойти, пусть даже на полчаса, и пособирать немного маслин?

Сначала я выслушал это предложение, не придав ему значения. Однако вечером вместе с дневными помыслами я рассказал старцу и об этом.

– Пойди, дитя мое, на полчаса, ради послушания отцу Иоакиму, – сказал мне старец.

И вот на следующий день я вместе с другими братьями отправился собирать маслины. Прошло полчаса, когда отец Иоаким, который, несмотря на свою болезненность, в лютейший холод тоже собирал маслины, подошел ко мне и спросил:

– Как твоя голова, малыш?

– Не болит.

– Тогда поработай еще с полчаса, а затем уйдешь.

Когда прошло полчаса, он опять меня спрашивает:

– Болит?

– Нет. Странная вещь, – сказал я.

– Хорошо. Теперь иди в каливу и выполняй другие послушания.

Благодаря последовательности и любви, которые отличали отца Иоакима, я протрудился на маслинах полтора месяца, и головная боль ни разу не беспокоила меня!

После собирания маслин мы переносили их в мешках на спине на маслобойню, где

выбивали из них масло. На маслобойне мы сами день и ночь вращали жернов. Таким образом мы запасались оливковым маслом на весь год.

Маслобойня была допотопной. Отцы ничего не хотели в ней менять, предпочитая жесткие условия. Здесь можно было увидеть, как один или два брата вращают жернов, тогда как кто-то другой, сидя в стороне, перебирает четки, непрерывно произнося молитву: «Господи, Иисусе Христе...» Это была картина не из мира сего: живописная по виду, но жесткая по сути. Другие отцы трудились возле цедилок, косточек и чана, где кипела вода, с помощью которой разогревались разбитые маслины. А тем временем постепенно надвигалась темнота ночи...

И так повторялось каждый год. Это была сцена, которая чем-то напоминала ту тюрьму кающихся, которую описывает в своем слове «О покаянии» святой Иоанн Лествичник.

На верхнем этаже нашей каливы была большая «веранда», из которой можно было обозревать весь скит и открытое море. Сюда попадало много света. Поэтому отец Иоаким и отец Григорий использовали ее под иконописную мастерскую.

Как-то раз я тоже попытался стать иконописцем. Отец Иоаким руководил мною. Я делал свои первые эскизы: большие непропорциональные глаза, рты, носы, уши и др. Он ни разу не сказал мне, насколько они были безобразны, но, наоборот, всегда подбадривал меня. Через несколько дней я оставил свои попытки, несмотря на его ободряющие слова.

Позже я спрашивал отца Иоакима:

– Почему, отче, когда я делал те бессмысленные эскизы, настоящие карикатуры, вы говорили мне, что они удачные?

– Новоначальных, малыш, никогда нельзя разочаровывать. Некоторые подобные педагогические принципы я преподавал в одном колледже в Америке. И заметь, что

ЭТИ ВЫВОДЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ – ПЛОД многолетних исследований ученых, – придя сюда, я нашел в наших святоотеческих книгах, которые были написаны много столетий назад и главным образом монахами. Однако эти выводы не остаются лишь записанными на бумаге. Они применяются на практике, и даже теми старцами, которые едва грамотны, однако имеют большой монашеский опыт. Их применение я увидел здесь, на Святой Горе, со стороны современных монахов.

Часто отец Иоаким оригинальным образом советовал мне с любовью относиться к ведению хозяйства.

– Малыш, – сказал он мне однажды, – если пользуешься каким-нибудь инструментом или посудой, как вот этим ножом, который ты оставил невымытым и нечищеным, то после работы необходимо почистить его, облобызать и сказать ему: «Благодарю тебя, мой ножичек, что ты мне послужил». Затем положи вещь на ее место.

Точность и порядок в нашей повседневной жизни, как нам их наметил отец Ио-

аким, достигали пределов абсолютного. За
обычай у нас было следующее правило: «Все
должно быть благопристойно и чинно»².

2 1 Кор. 14, 40.

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ НАШЕЙ КАЛИВЫ

В нашей каливе не было животных для перевозок. Но зато у нас была «упряжка любви» – отец Стефан! Взвалив на себя безразмерный мешок, он поднимался с пристани по дорожке, непрерывно повторяя «молитву». Отцы скита сразу понимали, что это отец Стефан, когда издалека доносился его голос: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Часто, беседуя с кем-нибудь, он вдруг начинал молиться вслух, не обращая внимания на то, что ставил этим собеседника в затруднительное положение.

Когда однажды я с благоговением попросил его, чтобы он сказал мне что-нибудь полезное, он ответил:

– Достаточно спастись, отец Георгий (я тогда еще не был монахом), а все остальное имеет второстепенное значение.

И продолжил: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Он был суровый, бесхитростный, прямой и не улыбочивый. Страшный

монах, сказал бы кто-нибудь, если бы не знал его ближе. И тем не менее, его душа была неимоверно чувствительна, полна любви и нежности. На Святой Горе характеры выравниваются, упрощаются, избавляются от всего притворного, от мирской изнеженности и актерской вежливости, освящаются в купели искренности, нелицемерной любви, которой днем с огнем не сыщешь в миру.

Мне никогда не забыть любви и самоотверженности отца Стефана. Он всегда стремился носить самую худую одежду, выполнять самую тяжелую работу, есть самую плохую пищу. Он собирал остатки еды с прошлого дня в тазик, добавлял туда воды и молча ел. Часто отец Паисий – «озорник» братства – донимал его:

– Эй, отец Стефан, вот ты ешь эту баланду, а помнишь в Америке ту великолепную еду, которой мы наслаждались, как короли?

Отец Стефан уступчиво, почти безразлично кивал головой, опустошая тем временем свою аскетическую миску с таким удовольствием, будто перед ним богатый

обед! Наша калива была для него небесным дворцом, который по своему удобству превосходил все небоскребы Америки, а его еда была самой вкусной в мире. Он все воспринимал именно так благодаря своему душевному расположению.

Когда отец Стефан бывал по делам в Дафнах – главной Афонской пристани, – он обычно приносил мне что-нибудь в подарок и благословение, потому что я был среди братии, как «Вениамин юнейший». Он приходил незаметно, оставлял подарок в келии и уходил. Делал он это для того, чтобы смягчить мою брань и помочь мне приспособиться к монашеской жизни.

Отец Стефан также доставлял мне передачи от моей матери, некоторых родственников и знакомых. В то время по маршруту Пирей – Фессалоники – Кавалла ходило судно «Керкира». Боцманом на нем был Спиридон Дурацинос – знакомый нашей семьи и брат замечательной монахини Синклитикии, игуменьи монастыря святого Христофора на острове Эгина. Каждый раз, ког-

да корабль заходил в Дафни, он привозил мне какой-нибудь подарок от семьи. Обычно это были сладости: баклава или катаифи (так как они могли долго храниться). Когда передачу приносили в каливу, старец давал каждому из нас по кусочку, а остальное отсылал с отцом Стефаном отцам скита и, главным образом, некоторым старчикам, которые жили одни. По возвращении брат рассказывал нам, с какой радостью старцы принимали этот непривычный для себя подарок, передавая нам бесчисленное количество пожеланий. Где еще могли увидеть, а тем более попробовать таких сладостей те, кто, с тех пор как пришли на Гору, никогда ее уже не покидали!?

Как-то пошел отец Стефан в Карулю, чтобы отнести аскетам даров моей матери. Однако вернулся задумчивый и чем-то удивленный. Почти никто из Карульских отцов не принял подарков. Все ему отвечали, что такие подарки не подходят для Карули. Кто-то даже сделал ему замечание, как он осмелился предлагать их аскетам. Мы все

были поражены и возблагодарили Бога, что и в наши дни еще существуют монахи-пустынники, подвизающиеся с полным самоотречением.

Однажды отец Стефан, отправившись в Дафни за покупками, купил вместо того, что было нужно, что-то другое. Он вернулся в каливу, и старец, обнаружив ошибку, позвал отца Стефана и сделал ему суровый выговор. Он стоял перед старцем прямо, безмолвно, с поникшей головой. Когда тот закончил, отец Стефан упал ниц перед ним и начал просить прощения: «Благослови, благослови, благослови», – повторял он своим, как обычно, железным голосом, как будто ударял чем-то тяжелым по своему упрямому характеру. Его раскаяние смягчило старца, который сильно огорчался, когда кто-либо из нас нарушал порядок. Однако, когда ошибку признавали, его отношение полностью изменялось: он не только прощал виновного, но начинал все время проявлять свою любовь к нему.

На берегу моря напротив нашего скита

жил дядя Янис – шестидесятилетний хромой рыбак. Родом он был из Митилины³, носил монашескую скуфью, имел бороду и длинные волосы. Он прислуживал отцам.

Однажды дядя Яннис принес нам несколько окад⁴ рыбы. Старец поблагодарил его и дал нам задание почистить рыбу за пределами каливы, чтобы водопровод не забился чешуей. Как самый младший, я сразу же изъявил готовность исполнить это послушание. Однако я не подумал о холоде, который был такой сильный, что все вокруг замерзло, а вода едва капала из источника. Руки у меня окоченели и невыносимо болели, поэтому мне пришлось продолжить работу внутри каливы.

Отец Иоаким, увидев меня, подошел и спросил:

– Малыш, почему ты зашел внутрь?

– Я не смог, отче, выдержать такого холода и ледяной воды.

– Однако старец приказал, чтобы рыба

3 Остров Лесбос.

4 Мера веса 1 ока равна 1280 г.

была почищена вне каливы. Нужно, чтобы его задание выполнялось без малейшего противления и оправдания.

Отец Стефан – раб, готовый служить всем, и неутомимый слуга для всех нас – услышал этот диалог. Не теряя времени, он подошел ко мне, забрал таз с рыбой и с рвением и ловкостью, не обращая внимания на холод, дочистил ее до конца. Признаюсь, что его героизм и любовь остались для меня незабываемыми. Его руки замерзли, однако евангельское «любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»⁵ стало для отца Стефана образом жизни. Я, застыв, смотрел на него, будучи не в состоянии вымолвить ни слова, пораженный его самоотречением.

– Монах должен умирать много раз в день, когда этого требует по слушание, – сказал мне отец Иоаким. – Ты сейчас потерял свою плату – ее полностью забрал себе отец Стефан.

Да, я тоже это понял, но в первую оче-

5 1 Кор. 13, 7.

редь я понял, что этот брат был уже «воскресшим» монахом, ибо прежде «умер» для плоти и вещественного.

У каждого монастыря, у каждой каливы, почти у каждой пустынной келии на Святой Горе есть свой сад, где выращивают зимние и летние овощи и фрукты. Послушание садовника получает монах, у которого есть соответствующие знания и опыт. Нашим садовником был отец Паисий.

Отец Паисий большую часть своей жизни прожил в Америке. Будучи еще мирянином, он жил строгой христианской жизнью. Характерной чертой этого человека была богатая, искренняя любовь. Многие греки-переселенцы приходили к нему, чтобы поделиться с ним своими трудностями: они обращались к нему за решением всякого рода проблем, особенно экономических. В кругах греческих переселенцев он был известен как «дядя Яннис». Будучи свободным от семейных обязанностей, безбрачным, он полностью – душой и телом – предался отцу Иоакиму, которого безмерно почитал Поэ-

тому, когда тот уехал на Святую Гору, отец Паисий с верой и решительностью последовал за ним. Он был очень мягким в поведении, услужливым, смиренным и кротким.

В шестьдесят лет, когда я застал его на Святой Горе, у него, – как я уже говорил, – было послушание садовника. При нем наш сад прославился – ему не находилось равных. Отец Паисий много трудился, как, конечно же, и все отцы в садах скита. Поскольку склон скита был пологий, монахи, жившие в старое время, сделали на нем большие выступы, заполнили их почвой, которую наносили на своих плечах издалека. Теперь, благодаря их трудам, мы наслаждались благословением и урожаями садов. Отец Паисий заботился об удобрении почвы. Он поднимался высоко в горы и там, в лесу, под густыми ветвями, собирал перегнившие листья и подходящую почву. Все это затем он переносил на своих плечах. Поэтому наш сад, также богато орошаемый водой из местного источника, приносил отменные плоды.

Отец Паисий был преисполнен простоты и детскости. С большой ревностью и духовной жаждой он слушал чтения за трапезой и последования в церкви. «Молитва» никогда не сходила с его уст и была его любимым занятием. Достойна упоминания также его непосредственность, главным образом в реакции на демонские нападения. Много раз, очень много раз мы вынуждены были бежать к ограде сада, чтобы посмотреть, что там происходит. То есть, что случилось с отцом Паисием: может, разгневавшись, он с кем-то ругается?

– Эй, отец Паисий, – спрашивает его старец, – что ты кричишь?

– Что мне еще делать, старче, – отвечает тот, – не оставляет меня в покое этот зловреднейший! (Он имел в виду диавола, для которого в его лексиконе находились и другие эпитеты. Он ругался и плевался на него!)

– Тьфу на тебя, отойди от меня, – говорит он с простотой. – Тьфу, тьфу на тебя, зловреднейший!

– Хорошо, но что он тебе сделал? – спрашивает его старец, подшучивая.

– Вот, пришел сейчас и напомнил мне... И что он мне напомнил! Красивую жизнь в Америке, вкусную еду, удобства, все хорошее и безобразное Америки. Лица и дела. Суетные помышления и лукавые воспоминания. Тьфу на тебя, зловреднейший!

– Хорошо, – отвечает ему старец, – терпи. Это работа дьявола: расставить препятствия на пути того, кто идет к Богу. И чем еще может он помешать, если не воспоминанием лиц, которые ты знал, и дел, которые делал в прошлом.

Отец Паисий рассказывал нам интересные случаи из своей мирской жизни, которые позволяли нам еще лучше оценить монашескую жизнь.

Я следил за коварством и уловками, которые использовал в невидимой брани мысленный Амалик, зловреднейший – по отцу Паисию, и вспоминал святого Антония. Я увидел, – говорил он, сети дьявола, растянутые по всей земле, и удивился...

Никто из монахов не остается вне этой брани. Следовательно, не остался вне ее и я. Очень часто я претерпевал безжалостную брань из-за разлуки с матерью, потому что у меня не было ни брата, ни сестры, и своего отца я не успел узнать. Я был наполовину сиротой. Однако, благодатью Божией и молитвами моего старца, ни одному искушению не удалось поколебать меня, ни один помысел не смог меня согнуть или задержаться во мне, чтобы прервать мой путь. Но враг не сложил своего оружия.

Помню, была весна. Однажды после обеда я сидел в своей келии и читал, когда услышал под окном голос, который был точь-в-точь как голос моей матери: «Георгий! Георгий!» В ту же секунду дрожь пробежала по всему моему телу. Я открыл окно и выглянул наружу, не подумав даже, что присутствие моей матери на Горе было физически невозможно. Возбужденный, я побежал к старцу и рассказал ему о происшедшем. Изумившись, он не удержался и сказал незабываемые для меня слова:

– Злодей диавол! Так ты даже такие средства используешь, чтобы бороться с новоначальным!? Теперь же ступай, дитя мое, в свою комнату и прочитай Акафист Божией Матери.

На протяжении всего моего пребывания на Святой Горе эти несколько минут после демонского нападения были для меня, пожалуй, самыми трудными. Пока я читал Акафист и пытался следить за его глубокими и небесными мыслями, посвященными Божественному Вочеловечению, в моих ушах постоянно слышался голос моей матери: «Георгий! Георгий!» Я закончил эту «кровавую» молитву и опять пошел к старцу.

– Хорошо, не бойся, – ответил он мне. – Вечером все братья переберут по одному разу четки, чтобы Бог помог тебе. Я тоже думаю, что это было одним из наиболее вероломных нападений на тебя.

Старец, в сотрудничестве со своими послушниками, привык всегда оценивать события их духовной жизни с абсолютной точностью, ничего не опуская в личной борьбе

каждого своего послушника. Он был рассудительным и объективным. И это придавало нам большую смелость.

Прошло время, и старец получил письмо от моей матери, которая сообщала, что после обеда в тот же самый день – согласно подсчетам – она услышала у калитки мой голос: «Мама! мама!» Ошеломленная, мать выбежала во двор, думая, что я вернулся со Святой Горы. Увидев, что никого нет, она не смогла объяснить происшедшего и, плача, вернулась в дом. В письме она просила, чтобы ей объяснили произошедшее. Ее письмо старец прочитал перед братией, и все мы были поражены уловками диавола, направленными на то, чтобы помешать душе посвятить себя Богу.

«Брань ведется постоянно, и постоянно воинам Христа нужно быть облеченными в свое оружие. Ибо наши враги бесплотны...» (Святой Симеон Новый Богослов).

ДУХОВНАЯ БОРЬБА – ИЗМЕНЕНИЕ УМА

Кроме благодатных отца Иоакима, отца Паисия и отца Стефана особый тон нашему братству задавала личность отца Григория. Это был благодатный юноша. Родом он был из Мессинии и приходился, таким образом, земляком отцу Иоакиму и мне.

Старец в беседах со мной часто говорил о преуспевании отца Григория, и это очень помогало мне в духовной жизни. Когда он рассказывал мне о его духовных достижениях, я чрезвычайно радовался за него. Только через некоторое время я начинал приобретать на личном опыте то, что слышал об отце Григории. Так мне открывался его героизм. Он был на два года старше меня и в монашеском чине, и по возрасту. Он был примером послушника. Закалка, пост, молитва и послушание были его украшениями. Отец Иоаким часто указывал мне на него как на пример для подражания:

– Малыш, хочешь стать хорошим мона-

хом, таким монахом, как это описывают Святые Отцы? – Бери пример с отца Григория!

Отец Иоаким видел в отце Григории монаха, который жил подлинной монашеской жизнью, как о ней учили Святые Отцы. Не будет преувеличением сказать, что в посте он был способен превзойти не только современных ему строгих монахов, но и великих отцов прошлого. Он не позволял себе ни одной лишней капли воды. Во время поста он вкушал единожды в день. Следуя примеру отца Иоакима, он, с тех пор как поступил в нашу общину и сколько я его помнил, ни разу не положил себе в рот сладкого. Спал он, как и отец Иоаким, сидя на полу в углу своей келии, укрывшись одеялами и не снимая с себя ничего из одежды – даже скуфьи.

Согласно монашеским правилам, монах должен спать в подряснике, поясе, скуфье и носках – как солдат. Как воин всегда обязан быть готовым заступить на стражу, когда его об этом оповестят, так и монах, когда его позовут на молитву, должен быть

наготове: сбрасывает с себя покрывала и одним прыжком уже на ногах. В жизни монаха это повторяется каждый вечер, ибо каждый вечер он встает на свое «правило».

Для отца Григория молитва была непрекращающимся трудом ума и сердца. Весь день он молился умом, в молчании. Всякий раз, когда я хотел что-либо спросить у него или вызвать его на беседу, он отвечал мне:

– Давай лучше читать молитву, ибо мы не знаем, будем ли живы завтра!

Он постоянно памятовал о смерти.

Часто ночью я слышал: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» или Акафист, хотя было время покоя. Тогда я задавался вопросом: «Почему отец Григорий не думает о братьях, которые отдыхают, и молится вслух?» Мое затруднение разрешил старец:

– Отец Григорий, – сказал он мне, – молится во сне. Его ум целый день пребывает на лугах молитвы, поэтому вечером, хотя его тело отдыхает, сердце от избытка духовной теплоты и подъема не успокаивается, но бдит, вовлекая в молитву и уста,

которые бессознательно произносят слова.

Я с восхищением понял, что на моем героическом брате исполняется сказанное в «Лествице» святого Иоанна: «Если душа беспрерывно и каждый день поучается в слове Господа, то они (слова) проникают в нее и во сне; второе является вознаграждением за первое». Мой брат во Христе, имевший такую горячую любовь к Богу, мог бы со смирением признаться: «Я сплю – по нужде природы, – а мое сердце бодрствует – по множеству любви» («Лествица»).

От многих трудов он весь истощился. Его тело стало восприимчивым к простуде. Но несмотря на это, он совсем его не жалел: выполнял самые тяжелые работы и преодолевал себя, идя на любые жертвы.

В разговоре он никогда не смотрел собеседнику в глаза: его взгляд всегда был устремлен вниз. Он отвечал с рассудительностью пожилого монаха, избегая любого лишнего слова. Он во всем пытался подражать отцу Иоакиму. Часто он говорил мне:

– Если бы ты знал, какое сокровище мы

имеем здесь в каливе – подразумеваемая отца Иоакима, – то захотел бы всегда быть вместе с ним.

И в самом деле, по благословению старца, отец Григорий ни на шаг не отходил от отца Иоакима на протяжении всего дня. Отец Григорий был одним из лучших послушников нашего скита, вместе с другим отцом Григорием и отцом Иоанникием.

Прошло время, и однажды после обеда старец взял меня с собой в кириакон. Дикеем скита был тогда иеромонах Харлампий. Серьезный и немногословный, он принял нас и предложил угощение. Он принадлежал каливе святого Модеста, которая находилась за кириаконом Его община, отличавшаяся упорядоченной монашеской жизнью, состояла из четырех иеромонахов и одного иеродиакона. Его приснопамятный старец, отец Леонтий, имел славу хорошего духовника. Братья каливы святого Модеста изготавливали рубахи и шерстяные скуфьи.

– Святой дикее, вот я привел своего послушника и прошу вписать его в списки, – сказал ему старец.

Тогда наш скит насчитывал приблизительно сто тридцать монахов. Я сделал поклон перед чудотворной иконой святой Анны и перед дикеем, – представителем всего скита. Я был взволнован и радостен, потому что с этого момента мое имя было занесено в списки – священный каталог, через который прошло столько известных и неизвестных святых, чьи имена записаны в «Книге Жизни».

Теперь я уже официально был послушником. Новопризванный воин Христов. Принятие присяги – великое, священное и официальное деяние окончательного и пожизненного моего зачисления – должно было совершиться позже, во время последования пострижения в монахи.

С этих пор и впредь мне нужно более продуманно каждый вечер исповедовать старцу свою жизнь за день, свои помыслы и брань, и получать наставления, перени-

мать опыт от его опыта, силу от его силы, просвещение от его просвещения. Ни одно движение моего ума и сердца не должно было оставаться неизвестным для него. Только в этом случае он сможет управлять кораблем моей души, подобно капитану, который хорошо знает устройство своего корабля, море и погоду, которая ожидает его во время пути.

Однажды утром вижу я отца Иоакима, который переделывает какой-то мешок. Рассматривает его со всех сторон. Затем берет ножницы и срезает у него два угла внизу. Затем складывает его вдвое по длине и срезает угол у изгиба. После этого зовет меня и говорит:

– Ступай-ка сюда, чтобы пройти по пути, по которому прошли все мы. Такой «костюмчик» носили первые шесть месяцев все братья нашей каливы. Только, идя в церковь, набрасывали сверху рясу.

Я на секунду растерялся. Всего ожидал, но такого «одеяния» – никогда! Однако, слово отца Иоакима было для нас законом.

«Сказано – сделано». Я надел мешок, со словами: «Благословите». Затем он взял меня за руку и повел к старцу. Как только старец увидел меня, заулыбался.

– Что это с тобой сделали?

– Э, старче, это чтобы брат не лишился великой чести мешка! В свое время все мы наслаждались этой честью.

– Рад, очень этому рад, – сказал старец, удовлетворенно улыбаясь, – Желая, чтобы это стало для тебя одним из тех средств, благодаря которым получают хорошие монахи, лишенные тщеславия и своеволия. Давай, добрый монах.

Я взял благословение у своего старца с тайной радостью быть в одном ряду с братьями нашей каливы. Этот мешок я носил свыше пяти месяцев внутри и вне каливы, и только, идя на службу, набрасывал сверху рясу.

Послушническим «правилом» нашей каливы было шесть четок и шестьдесят поклонов. Ничто не оправдывало его нарушение, даже если к этому были серьезные причины.

«Монах, который оставляет свое правило, не приходит на общие службы и разрешает себе мясо, не может устоять и преуспеть.

Учись выполнять работу, которую на тебя возлагают, с большой аккуратностью и последовательностью. Каждое свое дело и каждое свое слово вымеряй по критерию своей принадлежности монашеству: разговаривай, как монах, смотри, как монах, сиди, как монах, ходи, как монах, ешь, как монах, спи, как монах, думай, как монах, молись, как монах», – часто повторял на первых порах мой учитель, отец Иоаким, пока не закрепятся во мне эти важные истины.

20 октября 1938 года, в день великомученика Артемия все братья нашей общины отправились на праздник в одноименную каливу. Впервые я покидал свое каливу в качестве послушника. На празднике царила незабываемая атмосфера. Отцы каливы святого Артемия – старец и его послушник – все приготовили для праздника. Церковь

была празднично украшена, пол был устлан листьями винограда.

Вечером за ужином на стол, сколоченный из досок, поставили улитки – обычную еду на престольные праздники скитян. Все отцы расселись вокруг стола – аскетические тени, облеченные в хитоны плоти. Их бледные лица освещались спокойным светом керосиновой лампы. Умилительная, непринужденная атмосфера. Атмосфера, которая оживила и напомнила мне то, о чем я читал в книгах, рассказывавших о жизни древних монахов. Я был воодушевлен. Неужели я тоже принадлежу этому благодатному собранию? Да. Это уже не юношеская мечта – это действительность.

Главными певчими на празднике были братья по плоти Иоанн и Аверкий – послушники старца Азарии. Священник, чередующиеся певчие, канонарх, чтец, экклесиарх, праздничные гимны Святому, неизменный многовековой византийский устав Святой Горы – все складывалось в единое гармоничное целое.

Многие отцы причастились Пречистых Таин. Перед этим каждый испросил прощения у присутствующих, поклонившись направо и налево и приложившись к иконам святого иконостаса.

В конце была предложена общая трапеза, которой праздничное собрание и завершилось.

Отцы расходились по своим каливам. Неся свои котомки, монахи, которые всю ночь воспевали в священных псалмах Бога и Его Святого, теперь возвращались со счастливыми сердцами, опираясь на свои аскетические посохи, чтобы с новыми силами продолжать невидимую брань.

Первая зима, которую я застал на Святой Горе, пришла с дождями, бурями и снегом. Мы постоянно топили печи. Я получил послушание колоть дрова, которые заготавливали далеко, а складывали за каливой. Отец Иоаким, с присущей ему практической смекалкой, нашел легкий способ переноски дров:

– Когда вы проходите через это место в каливу, не приходите с пустыми руками: принесите по одному полену.

Невзирая на ту суровую зиму, наш устав оставался неизменным. В шесть часов по византийскому времени⁶, то есть приблизительно в двенадцать часов ночи по мирскому, назначенный брат стучал в двери наших келий: «Молитвами Святых Отец наших...» Это был сигнал к пробуждению. Мы тут же сбрасывали с себя свои покрывала, чтобы встать как воины духовной стражи – стражи молитвы. Ночью, как уже говорилось, мы спали во всем своем монашеском облачении, подобно воинам, ожидающим своей очереди караула. Сразу после подъема брали в руки четки и начинали по келиям свое «правило», которое продолжалось приблизительно час: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Господи, Иисусе Христе,

6 Почти весь Афон до сих пор живет по особому – византийскому – времени, которое составляет разницу с «мирским» временем приблизительно в шесть часов. Византийские сутки начинаются с заходом солнца, поэтому разница с обыкновенным временем не постоянна, но изменяется на протяжении года.

Сыне Божий, помилуй нас». Так начиналась самая сладкая и самая сильная молитва из всех существующих в мире. И после определенного количества четок: «Пресвятая Богородице, спаси нас».

Полночь заставала не только нас, но и всех обитателей Афона с умами и сердцами, вознесенными к Единому в Троице Богу.

Для новоначального борьба со сном есть особая брань и одно из наиболее суровых упражнений. Вначале тело, отяжелевшее от дневной работы, с трудом сообразуется с желанием души. Однако затем не медлит стать хорошим ее послушником, даже в зимние ночи – невыносимые, когда все внутри и снаружи замерзает, и «сталакти-ты» свисают с крыш, как кристальные мечи.

К сожалению, в своем «правиле» я немногого достиг: присутствие Христа было для меня еще мало ощутимым.

– Я не чувствую в себе Бога, – жаловался я старцу.

– Еще рано, дитя мое, – говорил он мне. – Пройдет время, может даже годы, прежде

чем Бог пошлет тебе капли Своего утешения и сладости. Часто мы читаем в святоотеческих книгах, что избранные души в борьбе и со слезами испрашивали себе это утешение, это Божественное посещение. При этом искали Бога с желанием более горячим, с глубокими стенаниями, безутешно, как писал святой Симеон Новый Богослов в своем гимне:

Когда Ты открываешься, Владыко всяческих, и являешь величайшую славу Своего лица, меня всего охватывает страх, когда я вижу Тебя в высоте... Видеть Тебя, чистого и святого Владыку, Которому с благоговением и страхом служат Ангелы...

Когда же я скажу об этом и закрою глаза, то есть обращаю свой ум вниз, будучи не в состоянии видеть и созерцать вид Твоего огня, который не испепеляет, тогда я рыдаю, лишенный Твоей красоты, Боже мой, не вынося Твоего удаления, единого Человеколюбца...

Когда я говорю все это Тебе, Творцу мира, явившемуся сначала в высоте и опять

скрывшемуся для меня, затем вновь окружившего всего меня Своими лучами, то различаю Тебя всего, пребывающего во мне, явившегося сначала в высоте и опять скрывшегося в облаке, как солнце, совершенно без лучей...»

Колокол созывал нас в нашу маленькую церковь на утреннюю службу. Мы собирались вместе и возносили гимны благодарения и славословия нашему Богу Отцу: «От одра и сна воздвигл мя еси, Господи, ум мой просвети и сердце, и устне мои отверзи, во еже пети Тя, Святая Троице: Свят, Свят, Свят еси, Боже...» «От сна восстав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многие ради Твоея благости и долготерпения не прогневался еси на мя, ленивого и грешного...»

После «непорочных» и некоторых других молитвословий заканчивалась первая часть службы – полунощница. Далее следовала утренняя. Шестопсалмие обычно читал старец, а в его отсутствие – отец Иоаким. На шестопсалмии все свечи были потушены, и только лампы тускло освещали образы

Святых в иконостасе. В такой атмосфере и абсолютном молчании мы наслаждались высочайшими мыслями шестопсалмия. Наша утренняя полностью соответствовала святогорскому уставу. Кафизмы Псалтири и дневные каноны тоже преподносили нам божественные мысли. После хвалитных и славословия читались часы, а затем канон с акафистом Божией Матери.

После канона, если по какой-либо причине мы не имели Божественного Причащения, мы брали антидор и святую воду, лобызали руку старца и, получив духовное обновление, начинали свой день.

Однако обычно мы причащались каждый день. Конечно, Божественная Литургия при этом не служилась, потому что благоговейнейший отец Иоаким взял у старца благословение оставить сан. Так поступали многие благоговейные иеромонахи на Святой Горе: от глубокого осознания и прочувствования ответственности священства, после нескольких лет служения перед страшным жертвенником, они удалялись

от этого высочайшего служения и остаток своей жизни предпочитали проводить, как простые монахи, веря, что через эту жертву они смогут освободить свою совесть от излишнего груза, чтобы целиком посвятить себя жестокой борьбе за очищение и освящение.

Таким образом, в конце нашего утреннего последования отец Иоаким просто надевал епитрахиль и причащал нас от Святого Хлеба, который всегда находился на Святом Престоле. Так, каждый наш день был «совершен» и проходил в непрестанной борьбе. Как после этого было возможно не принять в себя Христа? И как можно было очернить грехами день, который освятило Божественное Присутствие и наше вхождение «во светлость Святых»?

Наблюдение и духовное воздвигание наших душ были непрерывной заботой старца и отца Иоакима. Чем больше проходило времени, тем больше я удивлялся подвигу отца Иоакима, строгости старца и мужеству братьев.

Каждый вечер с субботы на воскресенье в нашей каливе служили всенощную⁷. Незабываемыми останутся для меня они. Справа пел старец, как умел, а слева – отец Иоаким; мы же все помогали. Обычно я пел второй «полиелей» и «избранные псалмы» вместе с отцом Григорием. Утром в большинстве случаев мы ходили на Божественную Литургию в какую-нибудь другую каливу, где был священник.

Часто к нам приходил наш духовник, отец Христофор, из «страшной» Карули, где скалы и цепи. Он приходил, несмотря на увечье. Каждый раз с его приходом мы служили всенощную, затем Божественную Литургию, на которой принимали Божественную Жемчужину – Хлеб Жизни. Наш духовник был великим подвижником. Спал очень мало, ел скудно. Он нещадно, сурово поработал свое тело. Приведу следующий характерный случай:

⁷ В Греции вообще и на Афоне в частности нет обычая совершать всенощные бдения с субботы на воскресенье. Их служат только на большие праздники. По субботам же служится великая вечерня, а по воскресеньям утром – воскресные утреня и литургия. Только в некоторых монашеских общинах Святой Горы в это время служат всенощную, которая длится всю ночь.

На одной из наших всенощных, когда закончилась утренняя и должна была начаться Божественная Литургия, я услышал звук крепкой пощечины, который обескуражил меня. Всполошенный, я обвел вокруг взглядом. Но братья не проявляли ни малейшего беспокойства. Служба продолжалась, как будто ничего не произошло. Я решил спросить, что случилось позже, потому что старец строго запрещал любые беседы в храме во время Божественной службы. Однако он сам заметил мое недоумение и дал мне знак успокоиться. Когда служба достигла приблизительно середины, послышалась вторая пощечина. Странно, – сказал я себе, – что это за пощечины?

Когда всенощная закончилась, я попросил старца, чтобы он мне объяснил, что значили эти удары во время службы и кто их делал. И тот совершенно спокойно ответил:

– Это наш духовник обычно бьет себя по лицу во время службы, когда понимает, что начинает засыпать. Он очень старается, чтобы его служение Богу было совершенным,

и участвует в службе со всей силой души и тела. Понимаешь? Он не прощает себе ни малейшего уклонения от этого принципа. С этой целью он применяет такой болезненный, но результативный способ.

Несмотря на всю строгость к себе, по отношению к другим отец Христофор был исполнен любви. Любви искренней, смиренной, образцовой. Каждый раз, встречая кого-нибудь – Монаха, мирянина, человека в возрасте или юношу, – он делал перед ним земной поклон. В первый раз это произвело на меня сильное впечатление. Его смирение не имело границ.

Однажды утром, когда мы сидели вместе во дворе каливы, кто-то постучал в дверь. Какой-то нищий мирянин просил подаяния. Как только духовник заметил его, подбежал к нему и поклонился. Каким странным мне это показалось! Когда нищий ушел, я взял благословение у старца спросить духовника, почему он это сделал, что его к этому подвигло? Он готов был мне ответить, но расплакался и смог вымолвить только:

– Дитя мое, это братья Господни...

Присутствие такого духовника было для нас бесценным даром Божиим. Он собрал и переписал себе множество отрывков из святоотеческих текстов. Часто он собирал нас и зачитывал нам что-нибудь из своих многолетних исследований, и мы утоляли свою духовную жажду «водой живой» святоотеческой мысли и опыта.

Когда прошло достаточно времени, старец рассудил, что пора мне постригаться в монахи, и начал приготовление к этому великому событию.

Проведение монашеского пострига в любом скиту представляло определенные трудности. Наш скит еще до моего прихода сюда имел от обители, к которой относился – Великой Лавры, – привилегию, согласно которой монахи тут принимали постриг, не будучи обязанными каждый раз просить разрешения обители. Однако, как раз в тот период обитель отобрала у скита святой Анны эту привилегию. Монахи скита по-

началу отказывались признать это решение Лавры, и их отказ был препятствием для моего пострижения. Старец попросил помощи у покойного ныне монаха Антония Мустакаса, который уладил этот вопрос с монастырем.

Таким образом, 14 октября 1940 года в келии преподобного Афанасия я был пострижен в монашество. По преданию, преподобный приходил сюда каждый раз, когда хотел отдохнуть. На моем постриге присутствовали все братья нашей общины. Тот день был для меня вехой, ибо я переходил от жизни послушника к жизни монаха-великосхимника⁸. Однако моя радость была не столь великой, потому что трудности в отношениях между монастырем и скитом не позволили мне принять постриг в нашей дорогой каливе.

⁸ На Афоне, как и вообще в Греции, сохраняется древний обычай, согласно которому человек, принимающий монашество, постригается сразу же в великую схиму, минуя так называемую малую.

ЗНАКОМСТВО С НАШИМ СКИТОМ

Немного ниже нашей каливы располагалась община святого Евстафия, со старцем отцом Антонием. Благочестивый монах, смиренный, затворившийся в своей каливе и занятый лишь рукоделием. Он жил вместе с двумя послушниками, которые были родными братьями. Они жили в молчании и молитве, избегая всякого шума и развлечения.

Немного выше нас, на склоне горы располагалось две *ксеракаливы*. В одной из них подвизался отец Арсений-носочник. Родом он был из Акарнании⁹. Его рукоделием было вязание рубах и носков. Мой старец почитал его и помогал ему, потому что он жил совершенно один. Тем не менее, он был опытным монахом. Лицо у него было светлое, а слово – «приправлено солью»¹⁰; он вызывал большое уважение к себе. Часто,

9 Область в западной части Греции.

10 Кол. 4, 6.

спускаясь в скит, он заходил и в нашу калливу. Я смотрел на него и восхищался. Он был похож на плодовитое дерево, полное плодов добродетелей и монашеского опыта. Под очками искрились глаза. Белая борода контрастировала с совершенно юным лицом. Он был всегда улыбающийся и радостный.

– Монаше, – часто говорил он мне, – ты теперь начинаешь свой путь. Смотри, чтобы тебе не потерять и корзину, и яйца. Путь, который ты избрал, опасен. Нужно за что-то крепко держаться, чтобы не поскользнуться. Держись за руку своего старца. Он будет твоей опорой.

Часто старец посылал меня к нему в ксерокаливу отнести немного еды. Он жил один и почти никогда не готовил себе пищи. Наша же община была большой, и поэтому старец не забывал утешить одиночество и нужду отца Арсения.

В другой ксерокаливе безмолвствовал отец Елевферий с двумя послушниками – Пахомием и Ахиллием. Замечательными были

простота и детская наивность старца Елевферия. Он «обратился» и «стал как дитя»¹¹, по слову Христа. Эти же добродетели унаследовали его послушники. Поэтому в его общине господствовала первохристианская атмосфера «простоты сердца». У всех трех монахов «было одно сердце и одна душа»¹². На их лицах была отражена хриstopодражательная любовь и доброта, так что при общении с ними тебя наполняло чувство глубокого умиротворения. Действительно, насколько образ, жизнь и внутреннее состояние старца – духовного отца – влияет на жизнь всех членов общины! Это влияние проявляется и физически, и духовно.

Немного дальше располагалась калива Преображения. Там обитал «врач» нашего скита – отец Артемий, вместе с двумя «санитарами» – послушниками отцом Хризостомом и отцом Илией. Отец Артемий был замечательным врачом-практиком. У него был диплом из тех, которые дают жиз-

11 Мф. 18, 3.

12 Деян. 4, 32.

ненный опыт и истинная любовь к человеку. Когда кто-нибудь из отцов заболел, он ставил диагноз поразительно точно и давал именно те лекарства, которые были нужны.

Однако особые успехи у него были в хирургии. Искусство старца Артемия не оставляло неизлеченной ни одной раны. Его ланцет и мази (их он сам составлял с молитвой) творили чудеса.

Слава о нем за короткое время распространилась за пределами Святой Горы. Больные из сел Кассандры доверяли свое лечение больше старцу Артемию, чем другим врачам.

Насколько я слышал, это движение вокруг личности «врача» из скита святой Анны стало известным и в здравоохранительной службе Фессалоник. Было решено пригласить старца Артемия для собеседования, чтобы узнать о его терапевтических и хирургических методах. Его облачили в белый халат и дали прооперировать одного больного. Старец Артемий применил все свои практические методы, и успех опе-

рации оказался таким, что он кроме горячей благодарности от профессоров и присутствовавших на операции получил также официальное разрешение наблюдать за больными и оказывать хирургическую помощь монахам Святой Горы.

Я и сам испытал на себе благодетельные результаты любви и искусства старца Артемия, когда он прооперировал мне долго незаживавшую рану.

Четыре брата составляли общину Карцонеев. Старцем был старший брат – отец Гавриил, мнение которого всегда имело большой вес в решении всех общих вопросов скита.

В духовной семье Карцонеев строгость жизни сочеталась с неисчерпаемой любовью ко всем. Гости скита часто останавливались не в кириаконе¹³, а в их каливе, и уже не могли забыть гостеприимства братьев.

Это были исключительные иконописцы. Об их художественных дарованиях знала

¹³ Гости Афона обычно поселяются в архондариках, которые в скитах находятся при главных скитских храмах – кириаконах. Здесь же говорится, что калива братьев Карцонеев тоже принимала посетителей, как архондарики.

вся Греция. Все братья вели правильную монашескую жизнь. В их груди билось щедрое пелопонесское сердце. Родом они были из Арфар, возле Мессины. Все четыре брата сообща оставили своего отца, который был градоначальником, и те блага, которые они могли иметь, и отдали предпочтение суровой аскетической жизни! Этот случай напоминает рассказы из Отечника.

Многим, которые судят лишь по наружности, жизнь Карцонеев казалась «игрой на зрителя» – по причине множества посетителей, которым они оказывали Авраамово гостеприимство. Однако, как легко мы делаем ошибки, когда судим «судом по наружности»¹⁴, а не «судом праведным», как нас учит Евангелие! Ибо когда кто-нибудь знакомился с братьями ближе, убеждался в строгости и исключительной правильности их монашеской жизни. В подтверждение приведу следующий пример.

Как-то старец послал одного из братьев – отца Серафима – на пристань. Он должен

14 См. Ин. 7, 24.

был принести в каливу два мешка цемента. Отец Серафим решил захватить за раз два мешка – по пятьдесят килограмм каждый, – чтобы не подниматься дважды и «одним выстрелом убить двух зайцев», – как говорят в народе. Однако старец, увидев его поднимающегося с двумя мешками, отправился ему навстречу и остановил его на полпути.

– Зачем ты взял оба мешка? Разве я не сказал тебе, чтобы ты нес их по одному? – сказал он ему.

Отец Серафим начал как-то оправдываться, однако старец прервал его:

– Оставь один мешок здесь, а с другим опять иди к пристани, и, когда занесешь в каливу один мешок, приходи за другим. И в другой раз делай то, что тебе говорят.

– Благослови, старче, – ответил тот, склонив голову, и побежал исполнять послушание.

Он хорошо знал, что послушание монаха должно быть точным: не должно быть ничего лишнего и ничего оставленного. Вот такой была точность Карцонеев!

Еще одним примером, показывающим высоту их аскетической жизни, является следующий случай:

Во время моего пребывания на Святой Горе некоторые монастыри осмелились проложить дороги к своим пристаням. Под влиянием этого факта наш дикей созвал собор старцев и поставил перед ним вопрос: может, и нам нужно было бы сделать какой-нибудь ремонт дорог скита, так как отцы совершенно измучились, потому что не могли использовать животных для перевозки необходимых вещей.

Тогда поднялся старец Гавриил Карцонас и с решительностью произнес следующие достопамятные слова: «Отцы, эти неудобные, крутые и труднопроходимые дороги нашего скита помогли отцам, которые жили до нас, достичь, благодаря потам и суровой брани, святости. Поэтому не будем искать удобства, если хотим идти их стопами».

Тогда все старцы без исключения, в один голос поддержали точку зрения отца Гавриила-духовника. Каждый начал приводить

какой-нибудь случай или какое-нибудь наставление из Отечника, а также различные истории из жизни древних Отцов. Один, например, рассказал следующую историю из жизни святого Пахомия: «Место, в котором жил святой, было пустынным и полным терний. Каждый раз, когда его посылали принести дров, его ноги ранились о тернии, потому что он ходил босой. Однако он терпеливо переносил это испытание, постоянно имея в памяти гвозди нашего Спасителя на кресте». Другой привел поэтическое слово преподобного Ефрема: «Поболей болью благобольно (то есть с терпением – *пер.*), чтобы избежать болей суетных». Кто-то другой – заповедь аввы Исаии: «Полюби всякое злострадание, и твои страсти умирятся». Еще один вспомнил ответ аввы Иоанна Колова на вопрос: «Что есть монах?» Авва ответил: «Труд, ибо монах во всяком деле трудится».

Некоторые, среди прочих доводов, которые были приведены против прокладывания и выравнивания дорог, упомянули также о перспективе вечности и о духе странниче-

ства, которым живет и движется монах.

«Мы, – сказали они, – с тех пор, как начали жить монашеской жизнью, поверили, что и сама наша келия не принадлежит нам, что мы являемся не собственниками ее, а в некотором смысле гостями и съемщиками на то время, на какое Господь жизни и смерти захочет оставить нас в этой земной ссылке, чтобы нам достичь большего покаяния и освящения. Поэтому многие из нас избегают даже в малом что-то менять в ней, ибо мы считаем ее священным сокровищем, которое получили от своих предшественников, чтобы передать ее, как и взяли, своим преемникам.

Тем более это относится ко всей келие, ко всему скиту и ко всей Святой Горе. Все это представляет для нас бесценное сокровище и отцовское наследие – священное и неприкосновенное. То, во что мы верим по отношению к своей келии, то мы в тысячу раз больше исповедуем по отношению к Святой Горе и нашему скиту, сколь духовно, столь и вещественно: мы не являем-

ся его владельцами, чтобы изменить в нем что-нибудь, что нас утомляет или беспокоит, потому что не признаем за собой такого права.

Когда мы отправлялись на Святую Гору, то более или менее знали, с чем столкнемся, и, несмотря на это, пришли, даже с еще большей радостью и ревностью. Если бы мы искали или считали необходимыми для своей жизни определенные удобства, которых лишено это святое место, освященное бесконечными реками потов, тогда нам не нужно было приходить сюда, но нужно было поселиться в какой-нибудь другой из множества обителей нашей родины, где существуют и дороги, и другие удобства и облегчения. Мы по своей воле избрали Святую Гору и думаем, что нельзя даже в малейшем изменять от века сложившийся ее духовный уклад только для того, чтобы облегчить себе жизнь».

После всех этих доводов мы решили сохранить традиционный вид нашего скита и продолжать прежний образ жизни, каким

бы тяжелым и суровым он ни был.

Немного восточнее скитского кириакона располагались две замечательные общины: отца Харлампия и отца Феодосия. Одна была лучше другой. Более того, оба старца были братьями по плоти.

Отец Феодосий – человек серьезный, рассудительный, немногословный, обнаруживал высоту духовной жизни. Перед тем, как прийти в Святую Анну, он жил в пустыне. Было видно, что он возделывал умную молитву. Во время Литургии он как бы «парил» над земным. В общении с другими он был хорошим собеседником. В самовыражении – полон доброты и любви. Крепкий оплот скита.

Ночи отец Феодосий проводил в плаче и стенаниях. Он был похож, как мне говорили его послушники, на сову, которая своим плачем испрашивает милость Божию.

Его горячим желанием было завершить жизнь на Святой Горе, в своей каливе, о чем он постоянно молился. И это его желание исполнилось. Как-то, находясь за предела-

ми Святой Горы, он серьезно заболел гепатитом. Предчувствуя приближение смерти, он попросил своих знакомых, чтобы они перевезли его на Гору, невзирая на возражения врачей.

– Свыше пятидесяти лет прожил я на Святой Горе, – говорил он, – и там хочу умереть.

От пристани скита до каливы отцы несли его на носилках. Он прожил еще месяц и, наконец, горячо возблагодарив Бога, предал свой дух в Его руки.

Община отца Харлампия отличалась высокой духовностью. Будучи преемником отца Пантелеимона, молчаливый и смиренный отец Харлампий стал достойным традиций каливы. Далее следовали отец Исихий, диакон отец Софроний, послушник Дмитрий и еще один отец Даниил, который в тот период находился в миру. Их рукоделием было вязание из шерсти и изготовление монашеских скуфей. В их каливе был настолько строгий распорядок жизни, что иной часто затруднялся посетить их во второй раз. Большинство из них сейчас уже упокоились.

Да помилует нас Господь их молитвами.

В каливе Честного Креста братство, в которое входило свыше десяти человек, отличалось строжайшим уставом и серьезной духовной жизнью. Их рукоделием было иконописание. Жили они незаметно. Только изредка видел я на пристани кого-нибудь из старших братьев, которого всегда сопровождал младший, по имени Иоанникий. У них была лодка, и они ловили рыбу для нужд своей каливы. Северная часть моря, омывающая Святую Гору, богата рыбой. И это тоже благословение Богородицы.

Отец Иоанникий был молодой монах, приблизительно двадцати пяти лет, серьезный и неразговорчивый. Казалось, что это многоопытный старец. Из него нельзя было вытащить слова. После работы он с серьезностью и основательностью привязывал лодку и сразу же уходил по спуску в скит. Я восхищался этим юношей с многочисленными дарованиями, которые он посвятил Христу – через своего старца. Его образ останется для меня незабываемым. Такими

же подвижниками были другие члены общины, однако никто из них никогда не покидал пределов своей каливы.

Отец Иоанникий упокоился молодым – в возрасте приблизительно двадцати восьми лет. Господь восхотел скоро призвать его к Себе. Полное послушание и суровая жизнь в каливе подорвали его здоровье, но одновременно приготовили ему вечное и светлое место в Царстве Божиим. Да помилует нас Господь его молитвами.

Отец Гавриил был скитским мельником. Каждый раз, когда кто-нибудь из нас, молодых, приходил на мельницу, чтобы намолоть муки, он подзывал его и с горячностью повторял:

– Монаше, внимательно блюди свое девство. Каждый день проси Божию Матерь, чтобы Она хранила твое девство. Без девства как нам войти в рай?

У него был своеобразный тонкий голос. Будучи тугим на ухо, он кричал изо всех сил, так что его слабый голос приобретал особый изящный тон и становился чрезвы-

чайно высоким.

Возле самого моря жила община старца Игнатия. Почти все здесь были родом с острова Хиос. Замечательными были их благочестие и аскетизм. Отец Мина, отец Хризостом, отец Харлампий и еще двое-трое старательно, с терпением и послушанием трудились над тем, чтобы преобразить скалистую землю своей каливы и, одновременно, возделают свои души и принять в них Бога.

Немного дальше, к западу от кириакона, находилась калива Святой Троицы. Там жили два монаха: старец Петр и его послушник отец Андрей. Как-то мы с моим старцем проходили мимо их каливы. Старец Петр сидел на балконе с ниткой и иглой в руках и что-то штопал. Одновременно он наслаждался благодатным солнечным теплом.

– Видишь этого монаха? – спросил меня старец. – Знаешь, что он делает? – Тайное дело любви, о котором очень мало кто знает. Он собирает носки у некоторых братьев

скита и, сидя здесь на балконе, в молчании их штопает, с молитвой и так умело, что можно только подивиться. И это еще не все – ему свыше девяноста пяти лет! Но больше всего достойно удивления то, что все это он держит в тайне: не хочет, чтобы левая рука знала, что делает правая,¹⁵ – по слову Христа. Я узнал об этом от одного монаха, которому он благодворил таким прекрасным образом, штопая его носки.

Мне вспомнился авва Моисей Эфиоплянин, который имел столько любви, «что, когда ночь опускалась на жилища братьев, он тайно наполнял сосуды каждого водой. Было же это весьма утомительно». И сейчас, когда я пишу эти строки, благодарю Господа, что своими глазами видел подобные выражения любви у современных мне монахов.

Как Святых всех времен отличает простота, так эта черта была присуща и благодатному отцу Дионисию-духовнику. Со всем еще ребенком попал он на Святую

¹⁵ Мф. 6, 3.

Гору. Впоследствии он стал хорошим духовником, с ясным умом, простым сердцем. Молитва и слезы, пост и почти затворническая жизнь облагородили его.

Как-то старец послал меня к нему в каливу по какому-то делу. Когда приблизилось время обеда, он предложил мне сесть за стол вместе со всеми. Я отказался от приглашения. Тогда он, чтобы вывести меня из трудного положения, отправил своего послушника к моему старцу спросить, есть ли у меня благословение остаться вместе с ними на обед. Старец любил и очень почитал отца Дионисия и поэтому с радостью разрешил мне это.

За трапезой один из братьев читал житие. Чтение было очень интересным. В какой-то момент духовник прервал его, чтобы прокомментировать текст. Но от волнения он весь залился слезами. Встал из-за стола и ушел в свою келию. Мы также не могли остаться равнодушными как к тому, что услышали за чтением, так и к глубоким чувствам старца: естественно, что и мы в плаче

удалились вслед за отцом Дионисием.

Приснопамятный отче Дионисие! Кто заполнит ту пустоту, которая образовалась с твоим уходом?

На северо-востоке скита находились две каливы: отца Иоасафа-духовника и отца Константина. Они были построены у самих скал, которые угрожающе нависали над нашим скитом. Одна калива соперничала с другой в строгости жизни и жестком монашеском уставе. В них обитали настоящие отцы-подвижники. Их пост и молитва, вместе со злостраданием, вызывали у нас удивление и даже недоумение. Мы поражались самоотречению и героизму, главным образом, молодых монахов, живших в этих общинах.

В северной части нашего скита жил отец Харлампий-кожевник. Он был украшен практически всеми добродетелями, которые может собрать подвижающийся монах. Его аскетичность, строгая жизнь, молчаливость, пренебрежение к вещественному и земному, но о «по Богу совершенстве» своих

послушников ставили его высоко над всеми нами. Сейчас, когда пишутся эти воспоминания, отец Харлампий находится на закате своей плодоносной аскетической жизни.

Лишь однажды я посетил каливу старца Харлампия, чтобы починить свою обувь. Он сидел, склонившись над рукоделием, с шилом, шпагатом и сапожным ножом. Я зашел внутрь, но он продолжал трудиться, не поднимая глаз и не проронив ни слова. Я понял: он жил жизнью безмолвия и молитвы. Пребывая в молчании, он был целиком поглощен Богом. Он не замечал, что происходит вокруг него. Я договорился с его послушником, который работал рядом с ним, и возвратился в свою каливу. Когда я рассказал старцу о своих впечатлениях, тот мне ответил:

– Дитя мое, о. Харлампий не принадлежит монахам нашего времени!

Прямо над маслобойней скита располагалась калива, в которой жили старец Кирилл и послушник, если меня не подводит память, отец Евфимий. Отец Кирилл был

строгим монахом.

Как я слышал от своего старца, до отца Кирилла там жил некий отец Кесарий-духовник. Его кончина была примечательным событием в жизни скита. За несколько дней до своей смерти, находясь на смертном одре, он вдруг начал кричать, прося всех отцов скита о помощи. Одновременно у него начала проявляться какая-то ужасная болезнь, от которой его шея распухла так, что голова переходила прямо в туловище.

Это беспокоило отцов. Они пытались дать объяснение происходящему, потому что то, как умирал каждый монах, имело для них большое значение. Об отце Кесарии они знали, что как духовник он был очень снисходительным, но без рассуждения. После каждой исповеди он обычно говорил: «Твои грехи прощены. Я беру их себе на шею». В его кончине, таким образом, было усмотрено вмешательство Божие, чтобы он очистился болезнью и болями.

Наш скит насчитывал пятьдесят четыре каливы. В каждой каливе жила община, со-

стоявшая из двух и более отцов. Редко когда в каливе жило по одному человеку. Скажу несколько слов о старцах, которые жили одни: отце Самуиле и отце Викентии.

Первый почти все время проводил в затворе. Я видел его лишь несколько раз на протяжении всего своего пребывания в скиту. Считалось большим событием встретить отца Самуила. Как он существовал, что ел, по какому распорядку жил – оставалось неизвестным. Он избегал общения с другими. Многие считали его великим аскетом и подвижником, тогда как некоторые имели подозрения, что такая жизнь привела его к прелести.

Старец Викентий был исполнен природной простоты. Где бы он ни находился, везде громко вслух молился: по дороге, в кириконе, во время встреч с другими.

«Спаси мя, Богородице, спаси мя, помилуй мя!» – часто слышали мы его громкий голос. В его голосе звучали боль, борьба; звук выходил будто из раненой груди. Его восклицания напоминали мудрые слова свято-

го Макария: «Когда душа стенает и вопиет к Богу, Он посылает ей духовного Моисея, избавляющего ее из рабства Египетского. Однако, сначала она вопиет и стенает, и лишь после этого получает начало освобождения».

Его непрестанно занимала тема спасения. Она вызывала в нем душевную скорбь. Когда он встречал кого-нибудь на пути, после обычного «благословите», со своим тяжелым румелиотским произношением (он был родом из Капернисийских мест), спрашивал:

– Что скажешь, отче, спасемся?

И больше ничего не говорил. Ничто другое его не волновало. По своему благоговению он был вторым Ефремом Сирийским.

«Спаси мя, Богородице!» – просил он, и слезы текли у него рекой. «Не оставляй меня, не дай мне потеряться. Я малым дитем пришел сюда, от большой любви к Твоему Сыну. Спаси мя, Богородице, спаси мя». То ли трудясь, то ли идя по дороге, он постоянно взывал и почти непрестанно плакал:

«Спаси мя, Богородице...»

В простом сердце старца Викентия, в котором находила покой Богородица вместе со Своим Сыном – его «Возлюбленным», – этот плач, эти слезы, как мне казалось, рождали некую невыразимую, скрытую радость. Позже, при случае, я всегда спрашивал, как поживает этот благодатный человек. До самой своей смерти он молился тем же способом – с плачем и скорбью. Его смерть, как мне рассказали братья Карцонеи, была смертью преподобного, героя слезной молитвы.

Несколько выше братьев Карцонеев и ближе к нашей каливе находилась калива святых Апостолов. Там обитали две благодатные души: отец Анфим и его община, состоявшая из отца Иерофея. Обоим было за шестьдесят лет; они были великолепными певчими. Однако, прежде всего мы поражались их любви и замечательной послушности отца Иерофея своему старцу. Своим пением и своим особым благоговением они задавали особый духовный тон всенощным

бдениям. Незабываемые образы!

Прямо под кириаконом была калива Вознесения, где жил старец Никодим Киприот. Вся жизнь его общины была молитва и труд. Послушниками у него были отец Иоанн и братья Петр, Евфимий и Авраамий. В этой каливе жил некогда преподобномученик Никодим, который пострадал во время турецкого ига.

По соседству расположилась калива Патриарха, которая называлась так с тех пор, как там подвизался Кирилл V Каракалл¹⁶. В описываемое нами время там безмолвствовало пять-шесть отцов, подвизавшихся добрым подвигом монашеской жизни, подобно своему предшественнику.

Над кириаконом – калива отца Мелетия, у которого послушником жил знаменитый певчий Святой Горы, отец Хризостом.

Ниже каливы Честного Креста была калива всех Святых, с тремя родными братьями Серафимом, Хризостомом и Григорием. Все трое были строгими монахами, как

16 Патриарх Константинопольский 1748–1751 и 1752–1757 гг.

и прочие отцы скита.

Над каливой всех Святых жила община старца Агафангела, с хорошим духовником отцом Неофитом. Один из братьев общины был секретарем скита.

Между этими двумя каливами располагалась калива старца Азарии, о которой я рассказывал в первых главах книги.

Однажды, возвращаясь с пристани к себе в каливу, я услышал громкие крики, как если бранятся два человека. Вскоре я достиг «источника» – немного выше берега, где был большой резервуар, заполненный водой, ругались один мирской лодочник и монах П. Крики усиливались. «К добру это не приведет», – подумал я.

В какой-то момент лодочник похулил имя Госпожи Богородицы. Тогда монах, негодуя, схватил его и толкнул в резервуар, приговаривая:

– Ты, мерзавец, я ради любви к Богородице отказался от родителей, от мира и от себя. А ты здесь, в Ее царстве, смеешь ху-

лить Ее?

Я сразу же подбежал, чтобы не случилось чего худшего. К счастью, лодочник, оказавшись в воде, умолк и с моей помощью выбрался на сушу.

Вернувшись в каливу, я рассказал о случившемся старцу и братьям, и попросил, чтобы мне объяснили, были ли действия монаха П. угодны Богу. Старец ответил мне следующее:

– Святой Иоанн Златоуст пишет, что, если кто-то хулит имя Божие, мы обязаны стать на его защиту. Он позволяет даже рукоприкладство «Дай ему пощечину, сокруши уста, освяти свою руку». Святые Отцы говорят, что послушник обязан выступить на защиту своего старца, если на него клеветают. Но много больше нужно заступаться за имя Господа или Богородицы, когда некоторые, не имеющие страха Божия, хулят его.

Духовная среда нашего скита, полная жизни и света от преподобных и подвижнических образов отцов, отлично сочеталась

с великолепным природным окружением этого маленького городка. Его обильные воды, зеленые сады с плодоносными деревьями, цветы, множество птиц, среди которых преобладали соловьи и черные дрозды, скалы, море, молчание – все это создавало волшебную атмосферу.

Летом, каждый раз после вечерни, начиналась поливка садов. Вода из резервуаров журчала и бежала в сады, создавая прекрасный концерт звуков. Много раз я помогал отцу Паисию поливать наш сад. В эти часы мы специально собирались для ухода за нашим садом.

Немного ниже нас – в каливе святого Серафима – жил ныне покойный отец Дионисий, о котором мы уже говорили, вместе со своими избранными послушниками Серафимом и Геласием. Они тоже в такое же время работали в своем саду, как и большинство других отцов. Все трудились в молчании и с молитвой. Скит в такие часы был похож на пчельник, на спокойную, единомышленную духовную семью.

БЛАГОДАТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Часто старец посылал меня на пристань скита, чтобы забрать передачи для нашей каливы или сделать заказы через катер в Дафнах, а также получить почту.

На пристани можно было повстречать отцов почти из всех калив скита, которые спускались сюда с той же целью. Во время таких выходов я был всецело «глазами и ушами». Со священным любопытством я наблюдал за каждым. Все собирались в домике дяди Янниса. Однако эти собрания отличались от мирских. Здесь не было слышно шума, возмущений, громких голосов, пустых разговоров. Не было соревнования, кто скажет больше. Наоборот, здесь все соперничали, в немногословии и замкнутости.

Сюда приходили отцы из нашего скита, из Малой Святой Анны, из Карули, Катунак и Святого Василия¹⁷. Лилии благоухающие, живые лилии молитвы, поста и безмолвия,

¹⁷ Святой Василий – монашеское поселение по соседству с Катунками и Карулей.

запечатленные печатью Духа Святого. По возвращении в каливу я перечислял старцу, кого из отцов встретил, и просил, чтобы он рассказал мне о каждом из них в отдельности. Мы, молодые монахи, не разговаривали ни с кем из старших, а также между собой. Обменивались только приветствием: «Благословите – Господь благословит», – делая низкий поклон.

Все терпеливо ждали, пока придет катер. Отцы святые – благодатные в моей памяти навсегда останутся их образы: смиренные, молчаливые, с потупленными взорами. В своих старых подрясниках, белых шерстяных носках, обуви на толстой подошве, с котомками, посохами, потертыми четками в руках... Никогда не смогу их забыть. Прошло сорок лет, однако таинство их молчания, их старание оставаться незаметными, «каждый день умирая», вызывают у меня восхищение, которое не умаляется со временем, как будто я видел их вчера. Живые сосуды Святого Духа. Они отреклись от всего внешнего, всего условного, всего ник-

чемного. Углубились в себя, возделали свой внутренний мир и обрели бесценное сокровище: Бога, Царство Небесное. Сколько может поведать современному потерянному и беспокойному миру это их самоотречение, этот их безмолвный героизм, это их обожение во Христе Иисусе!

Среди отцов, которых я встречал во время собраний на пристани Святой Анны, выделялся отец Афанасий – младший брат по плоти старца Иосифа Пещерника¹⁸. Его подрясник, испещренный всякого вида заплатами, едва покрывал тело. В его руках почти всегда были большие потертые четки, по которым он творил молитву Иисусову. Его ношей был объемистый мешок с различными вещами. Он нес его на спине, вверх направляясь по тропинке к своей пещере.

Община старца Иосифа – этого современного отца-пустынника, который оставил на Горе о себе незабываемую память,

18 Старец Иосиф (|1959), которого называют также Исихастом, – один из наиболее известных современных учителей умной молитвы.

– состояла из семи-восьми братьев, избранных и строгих монахов. Они возделывали умную молитву и были в первых рядах нашего скита. Только в утренние часы принимали они посетителей или выходили по какому-либо делу. Все остальное время на протяжении почти двадцати четырех часов они были поглощены трезвением и молитвой – главнейшим делом истинных монахов.

Их правило начиналось после полуденного отдыха. Каждый молился и читал в молчании в своей келии до полуночи, то есть до шести часов по византийскому времени. Затем они шли в церковь, где ежедневно совершали Божественную Литургию. В утренние часы они отдыхали или занимались своим рукоделием, постоянно и тайно творя молитву. Об этом их распорядке я узнал много лет спустя от послушников старца Иосифа, которые придерживаются этого распорядка, с небольшими изменениями, до сего дня.

Старец Иосиф был мне совершенно не-

знаком. Мы, молодые, не имели благословения ходить к старцам из других общин. О его послушнике, отце Афанасии, мой старец говорил, шутя: «Этот монах – святулечка». Их пещера была местом, о котором мало кто из отцов знал. Послушники старца Иосифа жили жизнью Святого Духа, стараясь следовать примеру отцов-мистиков XIV века. И даже сегодня, когда я пишу эти строки, Святая Гора украшается духовными потомками старца Иосифа Пещерника.

Единственным удобным случаем увидеть своих сподвижников были для нас собрания у пристани скита. После отплытия катера, который ходил от Дафни до Святой Анны или до Лавры, если позволяла погода, отцы возвращались в свои каливы, поднимаясь по тропинкам. Все несли свои сумы – одни побольше, другие поменьше. В любом случае каждый должен был что-нибудь нести.

Сто пятьдесят метров от пристани, и мы встречали часовню и рядом каменную скамью. Здесь спускали ненадолго свою поклажу, чтобы отдохнуть и набраться сил для

дальнейшего подъема. Отсюда начинался трудный подъем. Пот лился ручьем...

На этом месте, где была построена часовня, любовь Божия позволила, чтобы произошло одно чудесное событие, которое было описано внизу под распятием с лампадой. Привожу этот рассказ:

Послушник некоего старца, неся от моря на своих плечах поклажу и поднимаясь с большим трудом, начал переживать, что напрасно трудится. Он сел на этом месте со своей поклажей, чтобы немного отдохнуть, будучи одолеваем указанным помыслом, когда внезапно слышит свыше, чудесным образом пекущуюся о нас и помогающую нам Пресвятую Богородицу, говорящую ему: «Что ты сомневаешься и скорбишь? Знай, что труды, которые братья претерпевают, перенося грузы, приносятся как благоприятная жертва Богу; поты, которые они, поднимаясь, проливают, вменяются Христом в мученическую кровь; безропотно терпящие здесь тяжкие труды подвига и послушания в день суда получают вели-

кое вознаграждение». Брат, услышав это и вполне уверившись сердцем, рассказал обо все случившемся братьям и отцам. Завершив в радости и преподобии остаток своей жизни, которую он провел в подвиге и послушании, он отошел в вечные обители, чтобы получить вознаграждение за свои труды, по Божественному обещанию.

Более того, как повествует предание, об этом откровении узнал и патриарх Константинопольский Кирилл V Каракалл, который подвизался тогда в скиту святой Анны. С того дня он перестал перевозить на животных свой сельскохозяйственный инвентарь в оливковую рощу, которая находилась рядом с местом, где произошло чудо, и начал носить его на своих плечах, чтобы и самому получить венец мученических потов братьев и послушников скита.

На протяжении всего пути мы перебирали в руках четки, молились «молитвой» и читали Акафист. Затем, достигнув своей каливы, делали положенный поклон перед иконой и перед старцем, которому сообща-

ли о выполнении послушания.

Идя как-то раз из Нового Скита в Святую Анну, я повстречал одного монаха преклонных лет. Весь седой, с лицом радостным и обаятельным. Как только он меня увидел, поприветствовал с простотой и сказал:

– Садись и давай с тобой познакомимся, новый воин Христов!

Я сел на камень, не противясь. Несмотря на то, что, как я уже говорил, у нас не было благословения беседовать с чужими, я не смог устоять перед пленившим меня благолепным образом монахом

– Откуда ты, монаше? – спросил он меня.

– Из каливы Рождества Богородицы.

– О! – воскликнул он с удивлением. – Из числа этих избранных отцов?! Бог да благословит тебя!

Затем он начал говорить мне о достоинстве монашеской жизни и о брани монаха:

– Если хочешь, дитя мое, преуспеть в монашеском звании, скажу тебе одну вещь. Потрудись полюбить телесный труд. Эти скалы, эти подъемы и спуски, эти бесконеч-

ные ступеньки, эти котомки и мешки, эти поты и мучительный труд, которыми ты будешь жить каждый день, – потрудись обнять их всей душой. Это, можно сказать, противоядие эгоизму. Таким образом рушится его крепость, и ты избавляешься от этой Лернейской Гидры человеческой души. Я с детских лет здесь, на Святой Горе, знал святых монахов, мудрых монахов, прочел множество святоотеческих книг, и все они согласны в одном: самый большой враг христианина, и особенно монаха, есть эгоизм. Поэтому верю, что и твой старец и ты потрудитесь вместе так, что некогда ты предстанешь перед Богом, спасшись от зверя и, украшенный смиренномудрием, войдешь в Рай.

Его мысли были напитанными, спелыми, ароматными, исходящими из души, «семикратно очищенной». Его выражения детские, полные святой невинности. «Боже мой, – спрашивал я себя, – кто этот старец?» А он продолжал:

– Дитя мое, не жди зрелого возраста, чтобы тогда предпринять глубокое возделыва-

ние своей души. Подвизайся каждый день, чтобы приблизиться к жизни Христа. Чувствуй вместе с Христом. Жар твоей любви к Христу должен каждый день усиливаться. Ты начнешь это понимать тогда, когда почувствуешь, что предметы настоящей жизни теряют для тебя всякую ценность, и твое равнодушие к ним станет более явным. Другое, что поможет удостовериться в этом, – это сила твоей любви к старцу, который соединяет тебя со Христом. Старец для нас, послушников, есть бог после Бога. И я, хотя уже, как видишь, в возрасте, до сих пор являюсь послушником.

В этом состоял в нескольких словах смысл того, что я вынес из своей встречи с тем замечательным монахом.

– Старче, простите меня. Кто вы? Как вас зовут?

– Я из Виглы, и зовут меня отец Варлаам.

– Вы – отец Варлаам! – воскликнул я и упал перед ним ниц в поклоне.

Поднявшись, я увидел, что старец тоже сделал передо мной поклон!

Я растерялся, однако тот самым непри-
нужденным образом ответил мне, что всег-
да так поступает в подобных случаях...

Чего я только не слышал от своего старца
и отца Иоакима о высокой духовности отца
Варлаама! И вот я видел его перед собой.
Разве не было это даром Божиим? Мы разо-
шлись, явно взволнованные благоговейной
атмосферой, которую создала эта встреча.
С тех пор я его больше не видел...

Когда я возвратился в свою каливу и
рассказал об этом случае своему старцу,
все братья нашей общины сбежались, что-
бы услышать о благодатном образе и беседе
этого духовного орла.

Другая благодатная встреча была с отцом
Дионисием Катунакитом и его достойным
удивления послушником, отцом Арсением.
Отец Дионисий занимался также писатель-
ской деятельностью. Иногда он читал нам не-
которые свои удачные стихотворения. С тер-
пением и усердием он искал спасения своей
души. Он не был человеком компромиссов.

Отец Арсений был воистину «поработив-

шимся» монахом. Его старец знал об этом и стремился каждый день увенчивать его венцами послушания и терпения. Сколько раз он вел себя с ним сурово, пренебрежительно, даже перед другими отцами! Тот же, терпя, лишь клал поклон и просил прощения.

Как-то во время Божественной Литургии, когда пришло время петь запричастный стих, все мы пошли просить прощения у своих старцев, чтобы приступить к Чаше Жизни. Однако, когда отец Арсений приблизился к своему старцу, тот прогнал его от себя, говоря:

– И ты, лентяй, еще смеешь просить благословение – ты, сосуд, полный нечистоты и эгоизма?

Атмосфера, которую создала эта сцена, напомнила нам монашество IV–V веков. Отец Арсений попросил прощения и пошел куда-то в угол. Тогда же три-четыре старца подошли к отцу Дионисию и попросили его разрешить своему послушнику причаститься. Вскоре я услышал, как отец Дио-

нисий говорит отцу Арсению:

– Иди и благодари старцев, что они попросили разрешить тебе причаститься. Окажу им послушание и верю, что Господь простит и примет тебя.

Тогда тот, сокрушенный и смиренный¹⁹, со слезами, которые были заметны всем, подошел и принял в себя Того, Кто столько претерпел от нас, людей. Однако удивительным в этом было то, что отец Дионисий после каждого случая такого поведения со своим послушником был полон радости за него. Когда отец Арсений удалялся, его старец часто плакал, размышляя о пользе, которую получал его послушник от такого обращения с ним, и восхищался его терпением. Этот случай был для нас, послушников, одним из полезнейших уроков. Благословен Бог! Через несколько дней я встретился с этим героическим человеком.

– Отче, – спросил я его, – как вы отнеслись к поведению вашего старца на недавнем всенощном бдении во время Причащения?

19 Пс. 50, 19.

– Брат, во время Причащения на этом всенощном бдении я пережил присутствие Божие. Такой опыт я имел всего несколько раз в жизни, и потому я признателен своему старцу, что он дает мне возможность ближе ощущать Бога Пусть будут на мне его молитвы до конца моей жизни.

Сейчас, когда пишутся эти строки, отец Арсений находится в глубокой старости и живет один. Живет, как плодовая маслина, принося плоды благодатного терпения и послушания своему старцу.

Другой послушник отца Дионисия, отец Афанасий, не успел вкусить от благословенных плодов послушания и терпения. Благой Бог рано призвал его к Себе.

ПРОЦВЕТЕ ПУСТЫНЯ ЯКО КРИН

Наш старец имел следующий обычай. Время от времени он посылал пустынноикам еду в утешение. Один из братьев нашей общины, нагруженный «благословениями», отправлялся в пустыню.

С тех пор, как я поступил в нашу каливу, прошло достаточно времени, и вот однажды – в преддверии Рождества, – как помню, меня позвал старец и поручил мне исполнить это благодатное послушание. Безусловно, принимая такое решение, он, как всегда, провидел духовную пользу, которую я получу. Услышав о новом задании, я весь затрепетал от радости: «Благословите», – сказал я. Сделав поклон в нашей церкви и перед старцем, я взвалил на себя суму, взял посох и отправился на Карулю. Это было мое второе посещение ее. Здесь я не встречу ни бегущих вод, ни плодоносных деревьев, ни зеленых лесов, ни обильной растительности, как в других районах освященной Горы.

Пустыня была скалистой, с крутыми ущельями, отвесными скалами, которые образовывали пропасти и спускались в море. Лишь изредка встречались миртовые деревья, дубы и кусты, в которых некоторые виды птиц находили себе жилище и выводили птенцов, услаждая это пустынное место своим щебетом.

Перед тем, как взойти на вершину, на которой располагалась калива Воскресения, я зашел в пещеру, в которой находилась часовня Богородицы. Ее икона, написанная в русском стиле, благословляла всех проходящих здесь. Я хотел зажечь лампадку, но кто-то уже опередил меня.

По дороге мне встречалось множество отцов: молчаливых, с опущенными глазами. Мы обменивались приветствием «Благословите – Господь благословит», и они продолжали свой путь, всецело погруженные в трезвение, которого они не оставляли ни во время пути, ни во время занятия рукоделием, ни днем, ни ночью. «Больше всего полюбите молчание», – слышали они, как взыва-

ет к ним учитель аскетической жизни Исаак Сирий. Молчание – трезвение – молитва.

Район, который называется пустыней, начинается с Малой Святой Анны. В первой каливе, которую я встретил на своем пути, жил старец Герасим Песнописец. Я постучал в калитку и подождал. Старец открыл мне и принял меня с радушием и своей замечательной улыбкой. Я приложился к иконам в его храме, посвященном святому Предтече. Здесь все было просто, бедно, незатейливо. Он угостил меня лукумом и дождевой водой из своей цистерны. Этот пустынный район был «сух и безводен», и отцы собирали дождевую воду в цистерны.

Затем он провел меня в свою мастерскую, которая одновременно была и келией. Мое внимание привлекла жесткая деревянная кровать с истертой постелью на ней – обычное ложе монахов, для «упокое-ния». Через узкое окно на стол с книгами, бумагой и другими письменными принадлежностями падал слабый свет. Эти принадлежности он использовал, чтобы запи-

сывать свои поэтические вдохновения, которые стали настоящим сокровищем гимнологии нашей Церкви.

– Здесь я работаю, – сказал он мне, – и здесь отдыхаю.

– Мне очень бы хотелось, старче, узнать подробнее, как вы работаете, однако мне не позволяет время. Надеюсь, что в другой раз мне представится удобный случай к этому.

Я поблагодарил его, взял у него благословение и продолжил свой путь. Справа я оставил скалу с каливой Воскресения, в которой жил великий духовник, отец Савва.

Об этом необычайном человеке я написал в шестом томе из серии «Современные святогорские образы». Слева я различил каливы приснопамятных духовников Григория и Козьмы. Я находился в районе, где жили святые. Мою душу охватил страх, какая-то странная ностальгия по эпохе святых монахов. Как мне хотелось бы жить среди таких героев, таких духовных гигантов!

Немного ниже каливы отца Герасима

жил в глубокой старости благодатный старец Авимелех. Благороднейший и сладкоречивый, он принял меня и провел в свою каливу. Я много слышал об этом человеке. И теперь, с нашим знакомством, пришел час удостовериться во всем, что о нем говорили, лично.

Мы сели, и он, не глядя на меня, начал говорить о монашеской жизни, как будто к этому его подталкивала какая-то внутренняя необходимость. Явными были зрелость его мыслей и его духовность. Помню, во время той незабываемой встречи речь шла о «чистоте ума». Это был настоящий отец-пустынник, непрестанно подвизавшийся подвигом внутреннего очищения.

Я подумал: блажен отец Мелхиседек – мой друг еще по Пиреям, – который монашествовал рядом с таким мужем. Отец Авимелех был знаком и сотрудничал со многими выдающимися духовными личностями своей эпохи – святой Нектарием, Пападиамантисом, Мораитидисом и другими²⁰.

20 Св. Нектарий Эгинский, митрополит Пендаполиса (1889–1920). Один

Когда все мы, новоначальные монахи, встречались со старцем Авимелехом, то испытывали тайное желание достичь когда-нибудь высоты его жизни и умной молитвы. Однако для этого нужно было идти длинной, кровавой, полной терний дорогой.

Во время одной из наших с ним встреч я спросил его:

– Как ваши дела, старче?

И тот с отеческой любовью ответил мне двумя словами, которые заключали в себе всю философию трезвения.

– Мы, дитя мое, «ум храним». Следи и ты затем, чтобы держать свой ум в чистоте.

С уважением я облобызал его руку и, воодушевившись, продолжил свой путь.

Большая община старца Фомы Золотника жила в своей каливе немного ниже.

Я уже проделал довольно длинный путь, когда слева показалась калива приснопа-

из современных святых, канонизированных Греческой Церковью.

Александр Пападиамантис (1851–1911) – известнейший греческий писатель. Одной из главных тем его произведений была роль веры в жизни человека.

Александр Мораитидис (1850–1926) – двоюродный брат Александра Пападиамантиса, тоже писатель. В конце жизни принял монашество.

мятного старца Даниила Смирнского. Биография этого монаха описана в четвертом томе «Современных святогорских образов». Отец Даниил, который был в это время старцем каливы, был его достойным чадом, отличавшимся многими дарованиями и строгим традиционным образом мысли.

На краю Катунак, за каливой братьев Даниилов, безмолвствовали монах по имени Анфим с двумя своими послушниками – Иоанном и Нифонтом. Первые годы своей монашеской жизни отец Анфим провел послушником в строгой Дионисиатской кинувии, пребывание в которой стало для него подготовкой для ведения брани в пустыне.

Отца Анфима я охарактеризовал бы как подлинного исихаста. Он имел все признаки монаха-исихаста. Его послушники во всем следовали ему. Это была благодатная община. Труд, молчание и молитва.

Всеблагой Бог даровал мне множество удобных случаев познакомиться с отцом Анфимом. Главным образом благодаря тому, что у нашей каливы были тесные связи с

ним. Несмотря на свою серьезность и строгость он просто общался с самым меньшим новона начальным. Его слова были исполнены любви.

В каливе у них был маленький балкон, выходящий на Карулю. Там, сидя на аскетических деревянных скамьях, мы углублялись в «яже по Богу» философию, которую скрывает в себе монашеская жизнь. Я наслаждался этими часами. Моя душа не могла насытиться общением с этим благодатным человеком, и, когда мой старец посылал меня к пустынноикам, я всегда пользовался случаем и заходил к отцу Анфиму.

Один раз я постучал в его дверь, но не получил ответа. Я подумал, что жалко уходить, раз уж пришел сюда, да и дверь была не заперта. Я осторожно толкнул ее и увидел изумительную картину: старец Анфим был погружен в молитву. Держа в руках трехсотенные четки, он опирался на «ленивое дерево»²¹. Он мне показался вознесенным и

21 «Ленивое дерево» – особая Т-образная палка, на которую монахи иногда опираются грудью во время богослужения.

светлым. Он не заметил моего присутствия. С еще большей осторожностью я прошел внутрь и сел на балконе (где мы обычно беседовали), чтобы подождать, пока он закончит свое тайное и святое собеседование с Богом...

Когда он вдруг увидел меня, удивился. Затем сел рядом, и мы начали беседу. Он говорил мне о ценности молитвы – в связи с тем, что я только что видел. Главной идеей того, что он говорил, было следующее: «Молитва Иисусова обожает человека, тогда как молитва к Божией Матери готовит его к обожению». Как ценный вклад, вышедший из его освященных уст, удержал это я в себе, и теперь, через много лет, достаиваюсь передавать его новоначальным монахам нашей эпохи, которые, думаю, имеют меньше тех возможностей, которые были у нас – старших, – почему и спрос с нас будет намного больше.

В старце Анфиме находила подтверждение та истина, что, когда Дух Святой обитает в душе человека, Он делает ее благо-

родной, тонкой, с возвышенным отношением к другим. Приведу несколько случаев. Однажды, когда я с другими братьями посетили старца, разразилась ливень. Дождь закончился, и мы должны были идти. Отец Анфим изъявил желание проводить нас. Он шел впереди, чтобы показывать нам тропинку, которую я, конечно же, знал. Из последующего мы поняли, что он хотел сделать нечто другое. Своим аскетическим посохом он бил направо и налево по веткам кустов, отряхивая капли дождя, которые остались сверху, чтобы нам таким образом не промокнуть. Благородный жест очищенного сердца.

В другой раз, когда я пришел в каливу старца Анфима, там случилось быть старцу Дионисию Катунакиоту, старцу Антонию Мустакасу и гимнографу старцу Герасиму Микраяннитису. Все трое отличались своими широкими познаниями – не только теоретическими, но и практическими.

Для меня это был удобный случай увидеть, какими должны быть встречи отцов

пустыни. Я наблюдал, что обсуждают и как ведут себя по отношению друг к другу духовные отцы. Большое впечатление на меня произвели уступчивость и уважение каждого к мыслям и мнению других.

Их беседа длилась долго и была исключительной как в отношении обсуждаемых тем, так и в смысле их отношения друг к другу. Действительно, среди них чувствовалось присутствие Божие. В конце они с подобающим почтением попрощались друг с другом. Старец Дионисий, уходя, сказал:

– Сегодня мы еще раз прочувствовали на себе любовь отцов.

Во время другого моего посещения произошло нечто очень поучительное для нас, монахов. Я застал старца Анфима сидящим на кухне возле печки. Побеседовав со мной немного, в какой-то момент он говорит мне радостно, в присутствии своего послушника отца Иоанна: «Отец Иоанн сильный монах, за исключением, разве что тех случаев, когда его старец делает ошибку и наступает ему на хвост. Тогда он начинает кричать,

как кот, и я тогда не знаю, что мне делать. Однако, надеюсь, что после того, как он помяукает, повозмущается и успокоится, он будет терпеть, когда я снова наступлю ему на хвост. И это будет знаком того, что он начал становится настоящим монахом».

Отец Иоанн, со склоненной головой, слушал все, что говорил ему старец, повторяя: «Благослови, старче, вашими молитвами я исправлюсь». Это настолько подействовало на меня, что я взял свою котомку и, плача, ушел исполнять свое послушание...

Главная часть Катунак была за каливой старца Анфима – в широкой балке, на склонах которой находились каливы исихастов. Один подвижник был лучше другого. Истинные подвижники духа. Каждая калива скрывала в себе святого. Каждый раз, когда я проходил этими местами, мне казалось, что жив еще старец Калининник.

Духовной ареной этого великого аскета была одна исихастская калива, в которой теперь продолжает свою суровую аскетическую брань его послушник, старец Хри-

стодул из Лимни на острове Эвбея. Старцу Калиннику посвящен третий том из серии «Современные святогорские образы».

В ту эпоху здесь первенствовал старец Рафаил. Он жил в одной небольшой каливе, которая постепенно переходила в пещеру. Не нужно много рассказывать об этом старце, достаточно было на него посмотреть и понаблюдать за ним. Его слова, движения, ответы на вопросы, которые он давал со всегда склоненной головой – все это исчерпывающе говорило само за себя. На нем лежала глубокая печать великого подвижника. Он следовал путем своих предшественников, исихастов Калинника и Герасима. Собеседование с Богом питало его до самых его основ и преобразило в оневеществившегося монаха. Он имел обычай говорить себе: «Душе, то, что здесь – преходяще, а то, что там – вечно». Теперь он пребывает на небе. Да будут с нами его молитвы и предстательство.

Калива отца Никифора и его избранной общины – немного выше «Достойно есть» и

других калив – скрывала в себе настоящих монахов-подвижников.

Особенно незабываемым останется для меня отец Стахий. Впервые я познакомился с ним в нашей каливе, и произошло это следующим образом. Однажды утром у калитки зазвенел колокольчик. Открывать пошел отец Григорий. Я хотел посмотреть, кто пришел, но никого не увидел. Я стоял на первой террасе сада. Отойдя немного в сторону, я увидел монаха, который стоял как вкопанный. Со скрещенными руками, со склоненной головой – он неподвижно чего-то ждал. Вскоре возвратился отец Григорий и наполнил его котомку едой. И он, не проронив ни слова, сделал низкий поклон в знак признательности и удалился. Это была волнующая сцена, потрясшая мою душу. Я быстро побежал к старцу, чтобы побольше узнать об этом монахе.

– Отец Стахий, дитя мое, из Катунак. Он подвизается там вместе со своим старцем, прикованным к постели и почти парализованным. Уход за больным старцем отбира-

ет все его время, так что у него не остается и минуты на рукоделие, чтобы было за что содержать и себя и старца. Таким образом, ради любви к больному он стал нищим, прося милостыню у отцов нашего скита. Он очень внимателен, благочестив и, прежде всего, смиренен. Он просит милостыню очень своеобразно. Он стучится в дверь и, не говоря ни слова, ожидает, пока другие окажут свою любовь. Получив вещественное «благословение», он удаляется, опять-таки в молчании, чтобы никого не беспокоить. У него очень тонкая душа. Он избегает утомлять других, пусть даже одним-единственным словом. Смирение, дитя мое, в высшей степени облагораживает душу. Отец Стахий хороший послушник. Ради любви к своему старцу он без всякого колебания идет просить милостыню. Это пример настоящего монаха. Он приблизился к жизни монахов, о которых мы читаем в Патерике. Таким же самым образом, когда нужно, он просит помощи и в других каливах нашего скита. Его подвиг взволновал всех отцов.

Все пути и тропинки, которые вели к «страшной» Каруле, отпечатались в моей памяти еще с первого моего посещения духовника, отца Христофора. Свой путь туда я проделывал со страхом и ужасом, опасаясь, чтобы случайно не сорваться и не упасть на эти суровые скалы, освященные, тем не менее, потом аскетов стольких веков. В какой-то момент я выходил на край огромной скалы, которая свысока круто спадала в море. С другой стороны начинались висячие ступеньки с цепями, которые вели к отцам западной Карули. Здесь, чтобы продвигаться, нужны были альпинистский опыт и умение. Я осторожно спускался, поражаясь самоотречению и чувству странничества тех орлов духа, которые на всю жизнь свили себе гнезда в этих скалах.

Сначала я остановился у старца Варфоломея в его келии, которая, как морская улитка, заползла и прицепилась к крутому обрыву. Он с радостью и улыбкой принял меня в своей маленькой каливе.

– Садись, – сказал он мне. – Я угощу тебя пустынноническим настоем из польни.

Однако у меня не было времени. Я оставил ему немного продуктов, чтобы ему было чем встретить Рождество и, хоть на один день, сменить свою аскетическую пищу – сухари.

– Это вам посылает мой старец в рождественское «благословение» – сказал я ему.

Затем я отправился в келию русского аскета Никона... Открылась дверь, и передо мной предстал этот замечательный человек. Он первым поклонился и сказал что-то по-русски. Я слушал его, ничего не понимая; смотрел на него и поражался. Вот, – думал я, – небесный человек, который все еще пребывает на земле! Сколько раз каждому из нас хотелось повстречаться с такими людьми! Я верю, что самое черствое, самое напоенное мирскими помыслами сердце не могло остаться безразличным к тому величию, которое являли дикость места и покой, безмятежность этих людей; которое раскрывало, смягчало, умиляло душу человека...

Убеленный сединами аскет, кажется, понял, какой общине я принадлежал, ибо из того, что он пытался мне сказать так, чтобы я понял, я услышал имя своего собрата отца Иоакима. Я открыл свою суму и передал ему то, что мой старец ему посылал. Он принял «благословение» с некоторым замешательством.

Когда я попросил у него какой-нибудь сосуд, чтобы положить туда немного варенья из айвы, которое мы варили в каливе, он отказался. Однако он уступил, когда я стал настаивать. Он принес мне глиняную тарелку. С первого взгляда было видно, что он много раз использовал ее, не моя, – на ней были остатки пицци! Какой-то момент я колебался, можно ли положить сюда варенье. Однако старец, поняв мое замешательство, заулыбался и сказал мне на ломаном греческом:

– Я пустынный; пустынный я.

Я наложил варенья на эту тарелку, которая у нас, обычных людей, вызывала чувство брезгливости. Я был взволнован стро-

гостью, порабощенностью плоти и чувств пожилого аскета. Кто знает, как он использует это варенье – может, как древние аскеты, которые в свою еду наливали воду, чтобы еда утрачивала вкус. Таким образом они избегали того, чтобы услаждать свой вкус.

В порыве благоговения я сделал поклон, чтобы облобызать его ноги, однако он успел раньше меня. Одним незаметным движением он оказался передо мной коленапреклоненным, касаясь головой земли. Я услышал, как он шепчет: «Благодарю, благодарю...» Это был незабываемый пустынный – высший офицерский чин русской армии, знавший несколько языков, всесторонне образованный отец Никон.

Боже мой! Где сегодня такие люди, которые своей святой жизнью, своей сердечной молитвой и освящающим постом угождали бы Твоей воле, изгоняли бы бесов, приносили бы на землю Твое царство? Прости, Господи, духовную нищету нашей эпохи!

Погруженный в раздумья о тайнах, которые скрывают в себе души пустынников

и их исихастская жизнь, я незаметно подошел к каливе нашего духовника, отца Христофора. Он и его послушник, отец Симеон, приняли меня и угостили вареным рисом. Отдохнув, я отправился дальше, чтобы навестить и других отцов, которые безмолвствовали в восточной Каруле.

Переход из западной в восточную Карулю более опасен. Их разделяет ущелье, глубокое и дикое, которое круто спускается в море. Аскеты еще в старые времена высекли в скале дорожку, по которой через это опасное место может пройти лишь один человек, да и то с большим трудом. Деревянная лестница с веревками и цепями привела меня к высеченному в скале проходу. Все это выглядело ужасно! Однако нужно было идти. Я держался за цепь, которую отцы прибили к скале большими гвоздями. Осторожно продвигаясь, я оказался у отверстия одной пещеры. Это была большая пещера – и в глубину, и в ширину. Здесь я почувствовал себя в безопасности.

В полусвете я постепенно начал разли-

чать в разных местах пещеры человеческие скелеты. Я подумал, что они принадлежат пустынноикам, которые, распростерты или в сидячем положении, уснули сном смерти. По моему предположению, страшный для обычных людей час смерти застал этих преподобных монахов либо лежащими в ожидании этого часа, ибо они предвидели его, либо в обычном положении умной и непрерывной молитвы.

Мою душу охватил страх. По всей видимости, передо мной были освященные мощи пустынноиков, для которых эта пещера стала молчаливым свидетелем суровых духовных подвигов всей их жизни. Жизни, похожей на жизнь тех отцов, о которых мы читаем в святоотеческих книгах, которые скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, терпя недостатки, скорби, озлобления, которых весь мир не был достоин²².

Я с благоговением исследовал пещеру по всей ее глубине. Где-то на востоке, прибли-

22 Евр. 11, 37-38.

зительно в двадцати метрах от входа, я различил выступ, высеченный в скале. Я внимательно осмотрел его и с удивлением обнаружил, что сверху над ним сохранились остатки росписей. Да, не оставалось сомнения, что этот выступ аскеты, обитавшие в пещере, использовали в качестве Святого Престола. Здесь должна была совершаться Божественная Литургия. Я с волнением преклонил колени и со слезами облобызал его.

– Господи, где Ты удостоил меня очутиться!

Какая любовь, какой Божественный эрос²³ пламенел в этой пустыне, по которой я теперь хожу, в этой пещере, в этих «сухих костях»! Кто способен познать это до конца? У кого хватит сил выразить степень этой любви?

Я еще раз посмотрел на кости аскетов, представил себе этих пустынников, пред-

23 В греческой святоотеческой литературе словом «эрос» обозначается высшая степень любви человека к Богу, когда эта любовь становится брачной. Например, по словам св. Иоанна Лествичника, «блажен тот, кто стяжал к Богу такую любовь (эрос), которую безумно влюбленный имеет к своей возлюбленной». В богослужебных и переводных святоотеческих текстах на славянском языке это слово переводится как «рачение».

ставил себе, как они жили, сражаясь «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего»²⁴, ведя упорную брань и испытывая невыносимую ностальгию по небесной отчизне, живя с суровейшим самоотречением, в кровавом посте, в лишениях, внутри этой темной пещеры, с единственным утешением – светлым посещением Святого Духа. И теперь эти голые кости терпеливо ожидают своего второго рождения, своего воссоздания, когда прозвучит воскрешающая архангельская труба и будет услышано повеление, о котором пророчествовал пророк Иезекииль: «Кости сухие! слушайте слово Господне... вот, Я введу дух в вас... Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог... приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут... И вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои – весьма, весьма великое полчище»²⁵.

24 Еф. 6, 12.

25 Иез. 37, 4-5, 9-10.

Я с благоговением приложился к некоторым костям и ушел с сердцем, полным благоговения и духовной радости.

Я побывал у многих аскетов, жизнь которых отличало одно общее свойство: они были настоящими монахами, настоящими аскетами. Среди них были отец Нил – пожилой русский исихаст, – совсем не знавший греческого языка, и, тоже русский, иеромонах Парфений. Я был наслышан о мудрости, святости и благородном происхождении последнего.

Когда он открыл мне калитку своей келии, я увидел его перед собой как символ победы над мирской славой и суетой. Аристократическая, благородная фигура, облаченная в порванную рясу!

Благодаря своему скудному греческому он узнал, откуда я. Затем он взял меня за руку и провел в свою маленькую церковь. Я недолго посидел с ним. Некоторые говорили, что, когда приближались к нему, чувствовали изумительное благоухание. Он вызывал к себе некое духовное влече-

ние, являвшееся отблеском Божественной Благодати, обитавшей в его душе. Из того, что он мне рассказал, среди прочего я понял, что в Петербурге, будучи ребенком, он играл с нашим королем Георгием II²⁶.

За такой короткий промежуток времени невозможно было насытиться обществом этого человека – уважаемого старца Парфения. Безусловно, он должен был принадлежать первой десятке наиболее добродетельных мужей Афона своей эпохи. Однако мне нужно было уже уходить. Пора было возвращаться к духовнику, отцу Христофору, а оттуда в свою каливу. Я не решился повторить смелое прохождение через ужасный переход, несмотря на то, что этот путь был самым коротким. У меня остался еще страх после первой, и последней, попытки...

Мои планы изменились, когда мой духовник настоял, чтобы я остался на всеобщем бдении в честь Рождества, потому что их

26 Греческий король с 1922 по 1924, и затем с 1935 по 1947 годы.

церковка была посвящена Рождеству Христову. Мой старец заблаговременно дал мне благословение на подобные случаи.

На другой день, вместе с послушником духовника – отцом Симеоном, мы наводили в каливе порядок перед престольным праздником. Вечером со всей округи к нам начали сходить аскеты, чтобы вместе отпраздновать Рождество Христово.

Сидя на небольшом балконе, я рассматривал пустынников, которые спускались со скал: одни по подвешенным лестницам, другие по цепям – друг за дружкой. Незабываемое зрелище! Молодые, среднего возраста, старички составляли золотую вереницу празднующих: со старыми испачканными котомками за плечами, в тысячу раз перештопанных подрясниках и рясах. Их лица были скромными и строгими. Они приветствовали друг друга низким поклоном и занимали свои места в маленькой церкви Рождества Господня.

«Эти люди – избранный народ Господень, возлюбленные дети Божии – те, кто сегодня

ня вечером примет участие во всенощном бдении», – говорил я себе.

Зазвонили в небольшой колокол, и началась всенощная. Было очень холодно. Все были плотно закутаны в свои убогие рясы. Куколь не просто покрывал голову, но был надвинут на брови как можно ниже. Некоторые, как, например, отец Варфоломей и мой духовник, пели. Кто-то из младших был поставлен чтецом. Две-три лампадки и убогое паникадило со свечкой из чистого воска умирительно освещали темноту. Все было просто, без излишеств, аскетично.

Я почувствовал себя чужим и неподходящим к этому чистейшему окружению. Я был человек со множеством немощей и грехов, которые недавно сложил у ног своего духовника – во время первой своей исповеди. Однако я не был безразличным к тому, что происходило вокруг меня. Я жаждал узнать как можно больше об аскетах: как они бодрствуют на бдении, как молятся, как причащаются.

Алтарь маленького храма уходил в ска-

лу. Главная часть храма выступала из полости скалы и достигала края выступа, за которым было уже море. По мере того, как шло всеобщее бдение, холод становился все чувствительнее. Свистел ветер, тяжело вздыхали волны, беспощадно ударяя по скалам. Море было похоже на какого-то вечнодвижущегося, необузданного зверя...

Незабываемой для меня останется следующая сцена: один седой аскет, очень пожилой, не носил обуви. Он сильно замерз и поэтому закутал ноги в мешки. В какой-то момент он приблизился к небольшой печке и попытался согреть свои покрасневшие ноги. Однако, замешкавшись возле нее и погрузившись в молитву, он не заметил, как мешки вспыхнули и их охватило пламя! Мы, младшие, сразу же подбежали и потушили огонь. К счастью, на ногах старца не было ожогов.

Кроме нас, которые побежали, чтобы помочь старцу, другие отцы не сделали ни единого движения. Возможно, они даже не заметили произошедшего. Погруженные в

поклонение Богу, они продолжали бдение со склоненными головами и с четками в руках, которые без усталости трудились...

Закончилась утренняя и началась Божественная Литургия. Время приближалось. Господь близ. Я видел, как множество глаз со слезным благоговением встречали Его. Некоторые были склонены настолько низко, что не было видно их лиц.

– «Вонмем! Святая святым», – раздался возглас служащего.

С той минуты отцы один за другим по старшинству начали класть положенные поклоны прощения перед Богом и перед присутствующими братьями. На «Со страхом...» один за другим стали подходить к чаше, чтобы принять небесную Жемчужину.

Я горячо поблагодарил Господа за эту многоценную возможность увидеть и насладиться зрелищем того, как причащаются аскеты. Это было уникальное зрелище. Наконец, подошел и я – подобно «рабу», а не «сыну», как отцы.

Это небесное тайнодействие вскоре за-

вершилось. Затем было предложено кофе. Прислуживая за угощением, я внимательно следил за аскетами и восхищался ими. Восхищался размеренностью, с которой совершались их движения, беседами, их поведением. Действительно, – думал я, – пустыня творит не только святых, но и дисциплинированных и совершенных людей.

После этого последовала трапеза. Немного риса и треска, которые послала наша калива, были праздничным рождественским угощением. Аскеты вкушали в молчании, слушая чтение. Их ум был предан слову Божию и молитве, а не еде. Никто не поднимал головы, чтобы посмотреть направо или налево. Всякий, кто заканчивал, ждал с терпением, опустив голову вниз. Кто знает, сколько времени они не пробовали трески!

После трапезы это благодатное сообщество разошлось. Больше я ни разу не удаивался побывать на подобном праздничном собрании аскетов. Однако, то мое пребывание здесь стало причиной того, что я начал часто посещать Карулю. Позже я

даже прожил здесь целых шесть месяцев.
То был период моего духовного крещения,
истинный дар Божий!

В ПУСТЫНЕ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ

Пустыня есть место подвижания аскетов и пустынников. На Святой Горе она не ограничивается одной какой-нибудь местностью. Есть пустыня Карули, пустыня Катунак, Малой Святой Анны, Святого Василия, Виглы и др.

На втором году моего пребывания на Святой Горе старец послал меня в каливу нашего единомышленника в отношении частого святого Причащения²⁷ – отца Гера-

²⁷ В современной Греции идет процесс возвращения к древней церковной традиции причащения на каждой литургии. То есть всякий христианин, если у него нет особых препятствий, должен причащаться на каждой литургии, которую он посещает. Как правило, это бывает каждое воскресенье. Уклонение от причащения раньше строго наказывалось церковными правилами. У истоков движения по возвращению к практике частого причащения, которое началось в XVIII веке, стояли афонские монахи – так называемые колливады. Во главе их были святой Никодим Святогорец, святой Афанасий Париос, святой Макарий Нотарас. Святым Никодимом и святым Макарием была написана книга «О частом причащении», где из слов Священного Писания, Божественной Литургии, святоотеческих творений доказывается, что верные должны причащаться на каждой литургии, потому что литургия совершается для причащения. Как видно из слов отца Херувима, монахи, которые жили в его каливе, были последователями колливадовческой семьи.

сима, – которая находилась в скиту святого Василия.

Эта пустыня находится довольно высоко. Я уже был близок к своей цели, пройдя изнурительный путь, когда начался ливень. Я был вынужден постучаться в ближайшую каливу, ища убежища.

Неожиданно для себя я оказался перед знаменитым монахом, отцом Герасимом Менагиасом, и его общиной. Я видел его впервые. Его слово, любовь, отношение к людям невообразимо впечатлили меня. Неужели это был тот самый монах, который оставил свое имя, дом, состояние, науку ради любви Христовой!? Родом он был из Афин, из аристократической семьи.

Знал много языков и изучал химию за границей. Однако там, в лабиринте материалистических идей и заблуждений, забыл Бога. Когда «пришел в себя», оставил все и ушел на Святую Гору, чтобы опять обрести Бога. Чтобы встретить Его, он пришел сюда, в пустыню, где легче ощутить Его присутствие.

Как только я понял, что передо мной отец Герасим, я очень обрадовался. В его лице я видел ученого, аскета, послушника старца Калинника Исихаста, делателя умной молитвы, – того, кого чтит и уважала вся Святая Гора.

Иеромонах из Святого Павла отец Андрей (впоследствии игумен монастыря святого Павла) был его послушником. Он пришел к нему, чтобы упражняться в умной молитве. Я порадовался за отца Андрея, что он имел такого учителя. Я удостоился видеть отца Герасима еще два-три раза, и его духовность глубоко поразила меня.

Он был изящен, но с простотой, которая всегда сопровождает жизнь по Богу. Его же научная подготовка была очевидной. Он вел себя очень непринужденно, в каком бы окружении не оказывался. Его серьезность и рассудительность обнаруживали высочайший духовный уровень. Во время оккупации²⁸ Священный Кино́т пригласил его в

28 Имеется в виду оккупация Греции Германией во время второй мировой войны.

Карею в качестве переводчика, так как он учился в Швейцарии.

Во время нашей с ним встречи в тот день я, хотя и имел очень мало опыта в отношении монашеской жизни, заметил нечто, что даже несведущему в монашестве было невозможно не заметить: по нему было видно, что он имел очень хорошее руководство в начале своего отречения от мира. Его покойный старец – отец Калинин, видно, с большим старанием поработал над его душой и характером. Хорошо «выделанный» монах показывает себя и в манере разговора, и даже в том, куда он посмотрит и куда сядет.

В старце Герасиме сиял аристократический, хорошо выписанный образ. Да помянет он нас в своих молитвах.

Пустыня святого Василия в то время была наполнена аскетами. Конечно, у них не было образованности отца Герасима, однако, они были монахами высокой добродетели. В одной келие, расположенной возле келии благоговейнейшего монаха отца Да-

маскина Матфэоса, безмолвствовал отец Херувим. Он жил в пустыне свыше пятидесяти лет. Оставшись один, он избрал себе в спутники покой, заботясь о «страже ума».

Он был высокий и худощавый, с белой бородой и светлым лицом. Каждый раз, когда, бывало, встречаешь его, видишь, что руки у него скрещены, а взгляд направлен вниз. Когда его спрашивали о чем-нибудь, он отвечал немногословно, а в дороге на приветствие воздавал небольшим поклоном. Последнее показывало, что он никогда не прекращает умного труда трезвения и молитвы. Молчаливый и неразговорчивый, он жил вне мира сего. Даже самому простому наблюдателю сразу становилось понятно, что отец Херувим – исихаст Святого Василия – уже сейчас принадлежит жизни, которая за гробом, – жизни Света.

Имя и образ жизни этого пустынника рождали во мне глубочайшее желание подражать ему. Однако из-за того, что я видел себя неспособным стяжать его духовные дарования, то попросил своего старца,

чтобы он в священное время моего пострижения дал мне по крайней мере его имя. Я верил, что таким образом я смогу иметь пожизненную связь с этой незабываемой личностью...

В другой каливе безмолвствовал отец Иона, румын, вместе со своим рассудительным послушником, отцом Макарием. Отец Иона владел ремеслом собирать часы и всевозможные механизмы.

Кириакон скита, относящийся сейчас к каливе отца Герасима, к которому я ходил, освящен в честь Василия Великого. Предание гласит, что основателями скита были монахи-василиане, которые пришли из Каппадокии и принесли с собой главу Святого Отца.

Отец Герасим был родом из Фессалии и подвизался сначала в обители Фламуриу, возле Волоса. Когда он был еще диаконом, то, движимый ревностью к внутренней аскетической жизни, оставил этот монастырь и пришел сюда, в пустыню. Он тесно связался с исихастом старцем Калин-

ником Катунакиотом. От него он научился методу умной молитвы и пытался подражать ему. Все мы верили, что отец Герасим верно шел по следам своего учителя, старца Калинника.

Он был невысок ростом, но гигант духом. Тощий, похожий на скелет, с редкой бородкой, простой и исполненный любви. Он имел много точек соприкосновения с нашей общиной. Своего замечательного послушника, отца Максима, он посвятил во все вопросы мистической жизни. Творения Святых Отцов, «Добротолюбие»²⁹, были его ежедневным наслаждением

Когда я пришел к нему, то обнаружил старца сидящим возле камина в своей маленькой каливе с низкими дверями и крохотными келиями, и читающим «Добротолюбие». Он принял меня с особой радостью. Мы сели вместе возле камина, который не-

29 «Добротолюбие» – книга, составленная св. Макарием Нотарасом и св. Никодимом Святогорцем во второй половине XVIII века. Она состоит из пяти томов и содержит посвященные аскетической брани и умному деланию писания подвижников, которые жили в разные эпохи.

насытно поглощал кедровые дрова (зима была холодной). Он принес мне горячего отвару из полыни, и мы начали беседу на его любимую тему о частом Причащении. У него был богатый опыт, который позволял ему говорить на эту обширную тему часами. Часто он говорил мне со слезами: «Как много теряют отцы от того, что живут далеко от Святой Чаши! Каждый день они имеют перед собой Христа, Который приносит Себя им, а они отрекаются от Его приношения».

– Давай посмотрим, – сказал он мне, – что говорят по этому поводу Святые Отцы.

Мы читали из «Эвергетиноса»³⁰, «Добротолубия», из святого Никодима, из святого Макария Коринфского³¹. Он привел мне также мнение первых великих Отцов. Наша беседа продолжалась более четырех часов. Его голос имел примечательную чи-

30 Книга названа так по имени монаха Павла Эвергетиноса, жившего в XI веке и составившего душеполезный сборник из отрывков святоотеческих произведений

31 То есть сподвижника св. Никодима по движению «колливадов», св. Макария Нотараса – митрополита Коринфского.

стоту и ясность. Таким образом он помог и мне понять цену того, чтобы причащаться, если можно, и каждый день.

Его послушник, отец Максим, сидел, скрестив ноги на полу, и слушал в молчании. Снаружи завывал северный ветер, предвещая метель. А мы вокруг камина, при свете и в тепле, не замечали, как проходило время. Теплая и сердечная беседа все не заканчивалась. Время вечерни уже давным-давно прошло.

– Давай теперь почитаем вечерню, – сказал отец Герасим. – Только здесь, потому что из-за непогоды невозможно пойти в кириакон. Холод пронизывающий.

Не спеша, благоговейно и по аскетическому чину прочитали мы вечерню, затем богородичный канон дня.

Как только закончили, отец Герасим говорит:

– Подошла ночь. Давай сразу же прочитаем повечерье.

Однако мы еще не ужинали.

После повечерья и Акафиста Божией

Матери, который всегда сопровождает по-вечерье почти на всей Горе, мы сели немного отдохнуть. Я подумал, что пора уже ложиться, потому что вскоре должна была начаться утренняя служба. Однако у отца Герасима на уме, кажется, был другой план. Он говорит нам:

–Что нам ложиться спать? Не начать ли сразу же полунощницу и утреню?

Услышав это, я почувствовал некоторое затруднение, потому что был очень уставший. Однако это не имело никакого значения. Отец Герасим прежде, чем дать нам подумать, произнес возглас «Благословен Бог наш...», и мы начали читать полунощницу, а вслед за тем утреню.

Как только закончили часы, он говорит нам:

–Теперь потихоньку пойдем в церковь причастимся!

Было темно. Мы втроем отправились в темноту, держа один фонарь, под грозные завывания зимнего ветра. Вскоре мы достигли кириакона. Открыли двери и с бла-

гоговением зашли внутрь. Священное, неземное мгновение! Внутренне все мы были напряжены. Прочитали последование к Божественному причащению, прося Господа снизойти к нам...

*Ты бо рекл еси, Владыко мой,
всяк ядый Мою Плоть,
и пияй Мою Кровь,
во Мне убо сей пребывает,
в нем же и Аз есмь...*

*Да убо не един пребуду
кроме Тебе Живодавца,
дыхания моего,
живота моего,
радования моего,
спасения миру.*

*Сего ради к Тебе приступих,
якоже зриши, со слезами.., –
раздавался под замерзшими куполами
храма наш голос, полный надежды, боли и
Божественной любви³².*

*Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий,
общника мя прими...*

32 Буквально в тексте «эроса». (См. прим. 65.)

Отец Герасим приготовил на Святом Престоле Святые Дары и вскоре призвал нас из Царских врат:

– Со страхом Божиим, верою и любовью приступите.

Со страхом и невыразимой радостью причастились мы Пречистых Таинств. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»³³ Мы прочитали благодарственные молитвы и затем вернулись в каливу. Начало уже рассветать.

Вокруг нас были убогость и простота: в храме, в образах аскетов, в смиренной каливе. Но внутри нас было неоценимое сокровище, неопишваемое небесное богатство.

Тот вечер останется для меня незабываемым. Он был весь посвящен Богу. Его заполнили изучение Святых Отцов, молитва и богослужение. Его запечатлела награда Божественной любви, тайная и бессмертная Вечеря, священная и великая Пасха, которая есть Христос.

Так жил отец Герасим со своей общиной.

³³ Мф. 18, 20.

Аскетическая жизнь, частое Божественное Причащение, покой, трезвение, умная молитва жизнь, неразрывно соединенная со Христом.

Мы выпили горячего отвару, и я, поблагодарив этого святого человека, как на крыльях, отправился в свою каливу.

Когда я описал старцу и братьям все произошедшее, он заметил мне:

– Чем больше ты будешь вырастать и стяжать смирение, тем больше Христос будет открываться тебе. Итак, нужны терпение в трудностях и смиренный помысел.

Другим великим подвижником той эпохи в Святом Василии был отец Леонтий, который жил вместе со своим послушником, отцом Даниилом. Отец Леонтий, на протяжении многих лет занимавшийся в Америке большой торговлей, оставил все и пришел вместе со своим служащим на Святую Гору, где они оба стали монахами.

Когда я только пришел на Святую Гору, он жил в одной из *кафизм* монастыря Симонопетра. Каждый раз, когда мы проплы-

вали мимо на катере и видели его кафизму, нас посещало чувство благоговения к этому месту, в котором безмолвствовал отец Леонтий. Его слава как человека добродетельного и подвижника разошлась по всей Горе. Некогда его служащий, а теперь послушник отец Даниил, преданный своему старцу, свидетельствовал собой о качестве дерева, от которого происходил.

Позже мы встречали отца Леонтия в районе Катунак – слепого, но полного радости о своем испытании. Часто он говорил: «Теперь я лучше вижу, лучше чувствую. Бог дал мне более сильный свет, чем тот, который я видел, будучи в здравии». Его верный послушник, отец Даниил, ухаживал за ним, как истинное чадо за своим отцом. За свой уход он каждый день имел от своего старца тысячи молитв.

Своей духовной жизнью, которая еще больше продвинулась после слепоты, отец Леонтий опередил многих старых катунакиотов – так считали местные отцы. В историю Афона и особенно Катунак он вошел с

эпитетом «отец Леонтий, слепой и добродетельный».

Здесь, в Святом Василии, произошел один из наиболее примечательных случаев святогорской жизни. Один старец принял к себе на послушание юношу. Старец сначала колебался, а затем удержал его.

Юноша начал с ревностью подвизаться, и старец, видя его стремление, помогал ему. Но вот однажды он заметил, что на шее послушника висят часы большой ценности на дорогой цепочке. Он выждал, пока пройдет немного времени, а затем, рассудив, что пришла подходящая минута, сказал ему:

– Что это такое, дитя мое, что висит у тебя на груди?

– Это золотые часы – память о моем отце. Это мое сокровище, – ответил взволнованный послушник.

– Э, дитя мое, нельзя быть монахом и иметь что-нибудь в память о своей семье, тем более золото!

Послушник растерялся.

– Если хочешь продолжать жить здесь, – продолжил старец, – ты должен разрушить этот памятный подарок, к которому так сильно привязалось твое сердце, и не иначе.

Послушник слушал его, окаменев.

– Для уничтожения часов используй вон ту большую ступу, каменную, – завершил старец и оставил послушника одного.

Нападение дьявола, помыслы, душевная борьба – все вместе смешалось и начало немилосердно терзать юношу. Он боролся три дня и три ночи. «Я, – думал он, – от всего отрекся, раз и навсегда обрезал все связи с миром и своей семьей. Оставил только эти золотые часы своего отца. Что, нужно и их уничтожить?! И их растолочь в ступе отречения?! Так сурова монашеская жизнь?! Такой неотступный старец?! Пускай он лучше меня растолчет в ступе, чем я – свои часы...»

В его сердце происходила жестокая брань. С одной стороны, «гаваонитские» помыслы о мире, об обладании собственной вещью, помыслы непослушания, «стремления». С другой – помыслы Божии, помыслы отрече-

ния, послушания, «нестремления». Старец внимательно следил за этой битвой.

Когда наступил четвертый день, юноша взял часы, облобызал их, мужественно перекрестился и принял великое решение... Вот он бежит к старцу, чтобы не успеть передумать, и с радостью объявляет ему о своей победе:

– Старче, где ступа?

– Вон там, дитя мое.

На секунду он остановился, вспомнил своего отца и погладил отцовское сокровище, однако, затем смело принялся за исполнение своего намерения.

– Я сотру вас в порошок, – сказал он. – Христос хочет, чтобы мы были полностью отданы Ему. Он не хочет, чтобы мы были связаны с миром даже одной нитью, пусть эта нить будет и золотая.

Затем он решительным движением бросил часы в ступу и с упорством начал бить по ним пестом, будто бьет по своей собственной воле и по своему собственному сердцу! Когда он превратил их в бесформенную

грудю деталей, старец, который внимательно следил за всей этой сценой, говорит ему:

– Теперь пойдя и выброси все это в пропасть.

Тот быстро побежал и выбросил в пропасть остатки часов, закрыв глаза, чтобы случайно не увидеть, куда они упали, и чтобы в будущем искушитель не беспокоил его помыслами. Таким образом, он с радостью возвратился победителем.

– Теперь, дитя мое, тыходишь для монаха, – сказал ему его мудрый старец.

И тот со слезами на глазах сделал поклон, взял у него благословение и поблагодарил его за то, что он дал ему удобный случай быть испытанным и победоносно завершить брань.

В КАВСОКАЛИВСКОМ СКИТУ

На Святой Горе, когда кто-нибудь избирает жизнь в скиту, обязательно должен знать какое-нибудь ремесло, которое могло бы обеспечивать его материальные потребности.

Когда я поступил в каливу, два брата, отец Иоаким и отец Григорий, занимались иконописью. Как я уже упоминал, они и меня решили проверить, способен ли я к этому искусству. Однако, вскоре они убедились, что я не обладал способностями, чтобы стать иконописцем. Тогда отец Иоаким и старец посоветовались и решили послать меня в Кавсокаливу, чтобы там я выучился резьбе по дереву. Это искусство в то время было очень развито и имело большую ценность, а в Кавсокаливском скиту жили чудесные резчики – большинство монахов здесь занимались этим рукоделием.

В Кавсокаливе жили два монаха, знако-

мых нашей каливы. Оба были выходцы из монастыря Григория: отец Хризостом и его послушник, отец Акакий, – мой родственник по плоти.

Их келия находилась на расстоянии приблизительно двадцати минут ходьбы от скита, в скалистом безводном месте. Она пряталась в глубине небольшой террасы. Почти вся она была построена сухой кладкой. Она состояла из крошечного храма во имя святого Предтечи, двух-трех келий и кухни, которая служила также трапезной. Раньше здесь подвизались русские исихасты. Они выбрали это место, как наиболее подходящее для безмолвия.

В Кавсокаливу меня отвел сам старец. Он попросил отцов принять меня на определенный срок и помочь в овладении искусством резьбы.

Те добрые старцы, два агнца Христова, исполненные кротости, с радостью приняли меня. Однако они предупредили, что жизнь здесь суровая, место невеселое и великая бедность. Это, тем не менее, не устраши-

ло меня. Молитвы моего старца и мой душевный настрой способствовали тому, что я даже возрадовался своей новой пустынно-нической жизни.

Кавсокаливские отцы относились ко мне с большим уважением и любовью. Многих из них я знал еще в миру, потому что часто принимал их в своем отцовском доме, когда они приезжали по своим делам в Афины.

Этот скит построен в одном из прекраснейших мест Святой Горы. Его природные красоты не сравнимы ни с чем. Он был украшен великолепными садами, бегущими водами и каливами, утопавшими в зелени. Куда ни посмотришь – везде можно было видеть дубы, виноградники, цветы и декоративные растения. Его живописная мостовая и исторический кафоликон с великолепной высокой колокольней – подарок приснопамятного патриарха Иоакима III – дополняли красоту местности. Вся эта красота, вещественная и духовная, наполняла собой душу, оказывала на нее преобразующее влияние, возвышала ее.

В келии, куда меня отвел мой старец, я жил с октября 1939 по май 1940 года. Жизнь у старцев-резчиков дала мне возможность не только изучить резьбу, но также вблизи узнать жизнь и подвиги этих святых монахов. Изнурительный пост, страдания и трудности, непродолжительный сон и чрезмерный труд. Молчание было той прекрасной и таинственной музыкой, которая наполняла их келию весь день. Они разговаривали лишь в крайней необходимости. Все остальное время непрестанно молились умом.

Конечно, в этом для меня не было ничего нового, потому что и в нашей келие отцы следовали приблизительно такому же распорядку. Я благословлял имя Божие, ибо Его Дух Святой имеет одни и те же проявления, вызывает одно и то же духовное состояние, рождает одни и те же неизреченные воздыхания, одни и те же вожделения.

Я жил среди людей, которые, хотя и имели плоть, жили ангельской жизнью. Высота их жизни была признана всеми отцами

скита, которые знали их и ублажали меня за ту священную участь, которая мне выпала – жить рядом с ними. Какую признательность чувствовало мое юношеское сердце!

Как было бы хорошо, если бы я смог тогда сделать своеобразную духовную кардиограмму, чтобы теперь можно было посмотреть на те Божественные вдохновения и подъемы, небесные полеты и трепет, которые я испытал, пока жил в незабвенной, сладчайшей Кавсокаливе...

Я прожил с ее насельниками восемь месяцев и ни разу не замечал, чтобы они нарушили свой строгий образ жизни. От отца Акакия можно было услышать лишь «простите» да «благословите». Старец Хризостом тоже никогда не повторял ничего дважды своему послушнику. Гармония между ними была достойной всякого удивления. Мои ошибки в резьбе они исправляли самым предупредительным и исполненным любви образом. С другой стороны, сколько тонкости обнаруживало их прекрасное искусство, с такой же тонкостью они относились к угловатости

моего характера. Мне казалось, что я нахожусь рядом с отцом Иоакимом

Моя келия соседствовала с аскетической комнатой старца. За все время, что я здесь прожил, я почти ни разу не видел, чтобы этот человек спал. Каждый вечер в одно и то же время он начинал класть земные поклоны, с воздыханиями, рыданиями, слезами непрерывного благоговения, от которых всплывали в памяти слова Лествицы: «Печаль по Богу есть скорбь души, болезненное расположение сердца, которое вечно и неистово ищет желанного и, в случае неудачи, с болью преследует Его и горько рыдает по Нем».

Служба у нас начиналась приблизительно в первом часу пополуночи. В большинстве случаев, по уставу аскетов, она совершалась по четкам.

Здесь я почувствовал, чем является для них, как и для всякого истинного монаха и истинного христианина, величайшее имя Господа Иисуса, которое «выше всякого имени». Часто во время службы отцы начи-

нали источать слезы и прерывали службу, будучи не в состоянии продолжать ее...

Как-то в один из праздников старец пригласил многих отцов-кавсокаливитов на всенощное бдение в келию.

После заката солнца один за другим отцы начали сходиться к нам по узкой тропинке. Моя радость была неопишима. Все эти отцы были замечательными личностями. Вскоре вся наша терраса была заполнена этими странниками неземной жизни. Среди них были отец Пантелеймон, отец Антоний, отец Иоанникий, отец Софроний со своими послушниками. Также в тот день с нами был отец Аввакум из Лавры и другие отцы.

На ужин достаточно оказалось кофе и чая. За всенощной многие хотели причащаться. Отец Иоанникий служил, отец Антоний был уставщиком, каждый помогал кто чем мог. Итак, всенощная началась. Каждый из нас помнил о цели этой всенощной: славословие Небесного Отца, где апофеозом была Божественная Евхаристия. Подвижники

монашеской жизни должны были принять в себя Христа, и это должно было стать для них вознаграждением за их жертвы и укреплением в их борьбе.

«Слава Тебе, Отче, славе Тебе, Сыне, Славе Тебе, Душе Святой: Троице Святая, слава Тебе». Внезапно я услышал со стороны соседа всхлипывания. Это поразило меня. Сегодня вечером, – подумал я, – мне предстоит пережить особую всенощную. В этой пустыне не было ни единой причины скрывать свои чувства. Мы были одни с Богом. Действительно, чем дальше шла всенощная, тем больше мантии прятали в себя морщинистые лица, наполовину закрытые священными клобуками.

На «Славу» полиелея – «Рцы, пренавальное Божество...» – не смог удержаться даже певчий. Затем, на «и ныне... Рцы, Всецарице всепетая... в час страшный избави мя, Дщи...» второй певец полностью остановился. Божественное тайноводство!

На канонах канонаршил я вместе с отцом Аввакумом. Этот монах с трудом слышал,

что ему канонаршили, и поэтому случилось некоторое замешательство. Однако уставщик вскоре заменил его, и порядок восстановился. Всенощная не утратила своей благоговейной атмосферы.

– «Благословенно Царство Отца...», – слышался возглас иерея.

Началась Божественная Литургия. Было видно, что все отцы готовились к самому важному...

– «Твоя от Твоих...»

Все мы, глубоко склоненные, поклонялись схождение Духа Святого, Который в тот момент преложил вино и хлеб в Тело и Кровь Христовы. Христос пред нами! Все уста что-то тайно шепчут.

Во время пения запричастного стиха началось поклонение святым иконам. Затем каждый послушник брал благословение у своего старца и подходил ближе к амвону. Всякий хорошо знал, что без благословения старца причащаться нельзя. Христа он может принимать только «благословением и посредничеством» своего старца, который

является для него «богом после Бога» (Симеон Новый Богослов).

– «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите».

Отцы подходили по старшинству.

– «Вечери Твоя Тайныя днесь...» – пел я, как самый младший.

Мы достигли кульминационной точки Богослужения. Христос был принят и вошел в нас. Божественное присутствие!

Благодарственные молитвы читал я. Однако из-за волнения мне было тяжело их читать. В такой маленькой церкви проявления благодарности отцов за великий Божий дар, слезы и воздыхания становились очень заметными.

Как только закончилась евхаристия, я побежал приготовить для братьев кофе. Однако не успел я еще зажечь огонь, как все ушли. Я вышел на террасу и увидел, как отцы молчаливо спускаются к скиту. Тогда я спросил у старца каливы:

– Почему отцы ушли, не попив даже кофе?

– После такого всеобщего благословения могут ли они сесть за кофе? Они приняли в себя Христа, многоценную Жемчужину, и сразу же ушли, чтобы не растерять в беседах то, что им подарила всеобщая.

– Старче, что за благословение, что мы имели сегодня!

– Дитя мое, мне приходилось участвовать в подобных всеобщих, однако сегодняшняя была чем-то особенным. Может быть потому, что отцы были одного духа и могли не скрывать своих чувств.

Та зима выдалась морозной. Непрестанно шел снег. Дрова для очага закончились раньше времени, и добрый послушник отец Акакий часто поднимался на гору по снегу глубиной в полметра и больше и возвращался нагруженный дровами. Затем он колол их и готовил к растопке. Он исполнял это послушание столько, сколько длились холод и непогода.

Одиночество было абсолютное. Мы видели людей только когда спускались в скит. В

этой безграничной пустыне не было никого, кроме нас.

В скит мы спускались как только нам позволяла погода, чтобы поучаствовать в Литургии и причаститься, а также взять каких-нибудь овощей. Тогда мы жили любовью кавсокаливских отцов. Они соперничали в том, кто нам услужит больше, принося то, чего нам недоставало. И мы, нагруженные их дарами, «благословениями», поднимались в свою келию.

На Рождество я ходил в Святую Анну, а после праздника опять возвратился к своим учителям. Теперь я уже достаточно преуспел в искусстве и мог успешно пользоваться мелкими инструментами ремесла. Мог легко изготавливать «одежды» для святых. «Телеса» оставались на конец моего обучения.

Резьба является кропотливым ремеслом. Она требует острого глаза, твердой руки, точности движений и терпения. Поэтому все резчики в Кавсокаливе, которая была

центром ремесла, работали только по шесть часов в день. Мои учителя радовались успехам, которые я делал, однако один случай вынудил меня на короткое время прервать свое продвижение.

Как-то однажды я возвращался из Святой Анны в Кавсокаливу. Вечером я заночевал в каливе отца Герасима в Святом Василии, а утром, хотя и шел снег, отправился дальше.

Снегопад усиливался. С большим трудом я прошел через Керасью, которая была вся покрыта белым хитоном зимы, и проследовал тропинкой в Кавсокаливу. А метель бушевала.

Уставший от длительного пути по снегу, который в некоторых местах превышал семьдесят сантиметров, я добрался до келии преподобного Афанасия Афонского. Она принадлежала отцу Антонию Мустакасу, который сам жил в Кавсокаливе. Келия была наполовину покрыта снегом. Когда я с большим трудом приблизился к ней, то обнаружил, что она заперта.

Внутри никого не было. Все с вечера ушли в скит и по причине непогоды не смогли вернуться. Двери были заперты на засов. Я стал размышлять, что мне делать. Время шло. Снег падал все сильнее. Я уже ничего не различал вокруг себя. Все тропинки исчезли. Я не мог сориентироваться, куда идти, тем более, что еще не знал хорошо местности. Я начал беспокоиться, потому что мне грозило провести ночь, с ее непредвиденными опасностями, под открытым небом.

Тогда я попросил святого Афанасия, чтобы он просветил меня, и я смог обнаружить способ попасть в келию. Поискав, я нашел слуховое окошко. Вытащив засов, я толкнул одну балку крыши и запрыгнул внутрь.

Меня приветствовало мяуканье котов, которые были заперты хозяевами калитвы. В келии старца Антония было темно. Я зажег лампадку древнейшего храма и поклонился иконам. Обыскал полки и нашел немного картошки. Поел чуть-чуть, чтобы прийти в себя, потому что был очень из-

156

нурен злоключениями и холодом, и разжег маленькую печку – холод превратил каливу в холодильник. Я собрал все покрывала, какие нашел, и упал на кровать.

Ночью я поднялся на службу. Однако в церкви был непереносимый холод. Тогда я взял из храма книги и, сидя на кровати, покрытый одеялами, совершил последование утрени. Уже рассвело, однако калива оставалась в темноте. Я выглянул в окно и увидел, что она до самой крыши засыпана снегом! Я затопил печку, попил чаю, чтобы согреться, и решил ждать, как Бог управит. Дров в каливе больше не было. Вскоре печка бесславно сдалась под натиском зимы.

Приближался полдень, когда я услышал разговор снаружи. Это был отец Антоний с отцом Филофеем – своим послушником. Они пытались освободить заваленную снегом дверь. После напряженных усилий они добились того, что она открылась. Когда старец увидел меня, сказал, улыбаясь:

– Смотри, поймали вора!

Полные недоумения, они стали расспра-

шивать меня, как я попал внутрь. Тогда я рассказал им о своих перипетиях. Затем они взяли с собой некоторые вещи, и мы вместе отправились в Кавсокаливу, ибо отец Антоний предполагал, что непогода продолжится.

Мы ступали по снегу, следуя по известной им тропинке, пока не выйдем на центральную брусчатку, которая вела в Кавсокаливский скит. Однако в одном труднопроходимом месте я незаметно для себя оступися, поскользнулся на снегу и почувствовал, как лечу в обрыв и, ударяясь о скалы, скатываюсь вниз...

Прежде чем я пришел в себя после ужасного падения и убедился, что ничего не поломал, я увидел отца Антония, который прыгал в снегу, как косуля, и, как дикая кошка, цеплялся то за одно, то за другое дерево на склоне. Через несколько минут он оказался возле меня. Я лежал на покрытой снегом скале. Он быстро схватил меня за ноги, потому что место, на котором я остановился, было очень опасным. Снизу открывался

другой, еще больший обрыв, и из-за одного неудачного движения я мог соскользнуть в эту бездну, и тогда кто знает, что меня ожидало...

Любовь и ловкость старца Антония помогли мне, и я понемногу поднялся на ноги. Снег, на котором лежала моя голова, покраснел от крови, потому что у меня был разбит лоб.

Старец Антоний оторвал, если я хорошо помню, кусок от своего подрясника и перевязал мне рану. От страха и сильного холода я буквально заledenел. Когда остановили кровотечение, старец понес меня на своей спине и с помощью послушника доставил в скит, несмотря на мой вес и на все опасности неровной дороги.

Как мне забыть любовь, которая струилась из его сердца, полного Христом, и которая проявилась с такой естественностью и самопожертвованием! Отец Антоний был истинным святогорцем. Для меня же в тот час он был добрым Самарянином, который возлюбил «ближнего, как самого себя».

– Боже мой, – говорил я себе тогда, пока он нес меня на своей спине по снегу, по оврагам, – Боже мой, – говорю я и сейчас, – совершенный монах есть монах любви. И совершенный христианин есть христианин любви. Совершенство заключается в любви. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею.., то я ничто.., медь звенящая...»

Они донесли меня на спине до самого своего дома – каливы святого Иоанна Богослова, ученика любви, который был вдохновителем старца Антония, и каждый раз, когда тот поклонялся его иконе, как бы шептал ему: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем... Кто не любит, тот не познал Бога; потому что Бог есть любовь».

В каливе у старца Антония первую помощь мне оказал его брат по плоти и послушник по духу, отец Григорий.

Отец Антоний был родом из Фессалии. Пришел на Гору, будучи еще ребенком, и попал в послушание к великому исихасту,

старцу Авимелеху из Малой Святой Анны. Отец Антоний имел глубокий ум. Благодаря своим обширным знаниям (одно время он был даже схолархисом³⁴), он считался одним из ученейших монахов Святой Горы.

Он довольно много писал, особенно касательно проблемы изменения календаря. Серьезный, смиренный, очень трудолюбивый, он провел свою жизнь, давая неумолимый бой всякому обновленческому движению в Церкви. Он был человеком дела, а не пустословом. Не было такой церковной или богословской темы, по поводу которой он не выразил бы своего обоснованного мнения.

По его рассказам, происходил он из бедной семьи, которая не имела денег на школьные учебники. Заданные в школе уроки он учил, слушая одного своего богатого соседа и соученика, который в силу ограниченной сообразительности читал домашние задания вслух по нескольку часов. Благодаря

³⁴ Схолархис – начальник школы. Речь идет о Богословской школе на Афоне, так называемой Афониаде.

этому отец Антоний до конца школы был лучшим учеником!

В его общине старались строго следовать древним традициям и жили высокодуховной жизнью. В Кавсокаливском ските эта община отличалась своей гостеприимностью и любовью.

Была весна. Однажды вечером я был в гостях в иконописной мастерской Иосафеев.

После повечерия мы вышли на балкон, чтобы немного насладиться весенним полнолунием. Скит был погружен в тишину. Луна источала настолько обильный свет, что была отчетливо видна каждая калива. Из одной каливы неподалеку слышалась «молитва»: какой-то монах совершал свое правило на балконе, под звездным небом. Я подумал: наш брат беседует с Господом, испрашивает у Него милости. Если бы Адам и Ева делали так после своего преслушания, то, безусловно, Бог простил бы их. Тогда человечество избежало бы участи прохождения своего трагического пути,

пока не исполнится полнота времен.

Сколько еще отцов в скиту в те первые ночные часы повторяли с четками в руках то же прошение к милостивому Богу: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»

Имя Иисуса сопровождает слово милость, – заметили мы с одним братом той общины. Перед нами простиралось Эгейское море – все освещенное. Что за тишина, что за красота, что за Божие благословение были в тот вечер! Мы каждый раз прерывали беседу, чтобы услышать призывание имени Божия: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Среди этой прекрасной природы и духовной красоты тишину ночи вдруг разодрал пронзительный вопль, так что по телу пробежали мурашки. Чарующая атмосфера рассеялась. Мы поднялись на ноги и стали прислушиваться, чтобы понять, что происходит.

Видно, диавол позавидовал этому умилютельному вечеру и заурчал, чтобы побеспо-

коить отцов. Или, может, что-то случилось с кем-нибудь из монахов?

– «Егда изошла еси, Богородице Дево...»,
– слышался мелодичный голос запыхавшегося от бега человека.

Пресвятая Дева, что случилось?

– «...Иаков богобрат и первый иерарх...»

Какой прекрасный голос! Какое искусство исполнения! Этот человек, наверное, хорошо знает пение... По голосу можно было определить, что он быстро бежит.

Кто это может быть? Почему он в такое время бежит и кричит? Что происходит, Господи?

Тысячи мыслей проносились в голове, пытаюсь дать объяснение происходившему.

Поющий человек не успел приблизиться к первым каливам скита, когда далеко позади слышался душераздирающий голос, прерывавшийся от бега и старости:

– Отцы, схватите его, помогите мне. Я старый, не могу уже бегать!

Боже мой, что происходит? Может, это вор, который пел, чтобы сбить нас с толку?

Может, послушник, который сделал что-нибудь своему старцу? Может что-то другое, чего мы даже не можем предположить?

Когда бегущий приблизился к последним каливам, непрерывно поя похвалы Божией Матери, два-три пожилых отца перекрыли ему дорогу и схватили его. Он ничего не говорил, не отвечал ни на какие вопросы, продолжая петь похвалы Богородице, пока не закончил их.

Весь скит взбудоражился. Тишину и покой сменили беспокойство и страх: что произошло? Вскоре подбежал и старец, который преследовал человека. Я услышал, как он говорит:

– Дитя мое, что с тобой происходит? Что случилось? Зачем ты так делаешь? Успокойся.

По голосу мы поняли, что это был старец келии Всех Святых. Следовательно, тот, кто пел, должен был быть его послушником. На вопросы своего старца он не отвечал – только пел, пел непрерывно. Безусловно, с послушником что-то случилось, – рассуждал я.

И как все это переживет несчастный старец в своем преклонном возрасте?

Кто-то из отцов попросил веревку, чтобы связать послушника, и мы все вместе отправились в кириакон. Послушник постоянно пел, тогда как старец плакал и просил отцов не оставлять его одного до тех пор, пока он не решит, что ему делать.

В тот вечер мы не спали. Наше вечернее время прошло в молитве «Пресвятая Богородице, спаси раба Твоего». Утром мы пошли в кириакон, чтобы узнать, что произошло. Там нам рассказали, что у послушника келии Всех Святых вдруг начала проявляться паранойя: он сбежал из своей келии, будто за ним гнались. Старец, невзирая на дряхлость, последовал за ним, беспокоясь, как бы тот не упал куда-нибудь в овраг. Он хотел спасти его, уберечь. О, благодатная любовь старца к послушнику!

На другой день мне нужно было возвращаться в наш скит. В лодке я узнал больного послушника и его несчастного старца.

Он сопровождал его до Фессалоник, чтобы обратиться там за помощью к врачам.

Время, которое я провел, обучаясь резьбе у двух преуспевших кавсокаливских отцов, было для меня очень полезным. Не столько из-за того, что я обучился ремеслу, сколько благодаря тому, что я смог собрать опыт их образцовой жизни. Такую же важную роль в моем посвящении в идеалы монашества сыграло знакомство со всеми добрыми монахами Кавсокаливы.

Незабываемым для меня остался отец Михаил со своей постоянной улыбкой, детской душой и глубокой духовностью. Этот монах незаметно для других молился умной молитвой, которой обучился у какого-то великого старца.

Отец Софроний имел у себя в общине исключительного послушника, отца Феофилакта. Думаю, что очень немногие послушники прошли через те испытания, через какие прошел отец Феофилакт. В его лице я видел «удавшегося» монаха. Его безогово-

рочное послушание, терпение Иова и неутомимое стремление не согнуться под теми трудностями, которые он встречал на своем пути, – все это вызывало у меня чрезвычайное уважение и почтение к нему.

Сколько раз я, маленький и убогий монах, который делал лишь первые шаги в своей монашеской жизни, ни встречался бы с ним, всегда пытался перенять от него что-то полезное для себя. Кажется, он это понимал и всегда преподносил мне что-нибудь из своей духовной сокровищницы. Я же всякую мысль, которую он высказывал, в буквальном смысле проглатывал и складывал в глубинах своей души.

Однажды я спросил его:

– Что это такое, что я встречаю в книгах и что Отцы называют правом?

Он посмотрел на меня немного, и, помню, глаза его замутились.

– Брат, – сказал он мне, – это, наверное, Бог просветил тебя коснуться этой темы! Я являюсь олицетворением того, что Отцы называют правом. Если бы я достиг того, что-

бы изгнать из своей души это чудовищное препятствие, которое встречает на своем пути к совершенству каждый послушник, то и я был бы удавшимся монахом. Однако, к сожалению, я являюсь «пучком» различных прав...

Затем он продолжил:

– Где ты найдешь отцов, которые считали бы, что у них есть право хотя бы на те несколько сухарей, которые они ели, на каплю воды, которую они пили, чтобы поддержать свое существование? Они верили, что это дар от Бога и от людей, что это дар их любви к ним, а не то, что они его заслужили.

Отцы, брат, многократно указывали на губительные последствия «права» в жизни монаха. Наш же повседневный опыт подтверждает это все больше и больше. Представь себе послушника, который говорит себе в помыслах: «Сегодня на трапезе у меня должна быть хорошая еда, потому что послушание сильно меня утомило и мои силы исчерпаны. Я не могу обойтись лишь небольшим количеством маслин. Не имею

ли я права попросить чего-нибудь другого, раз старшие этого не понимают?

Мои подрясник, рубаха, носки превратились в тряпки. Не имею ли права и я носить что-нибудь хорошее, что-нибудь новое, когда другим братьям старец и обитель дают все, в чем они нуждаются? Разве я тоже не человек, чтобы поговорить с кем-нибудь из посетителей, узнать, что делается в мире?»

Нет! Монах не должен иметь никакого права. Он обязывается ко всякому отречению даже от своих законных и естественных прав. Все эти рассуждения совершенно противоположны воле Божией и традиции Святых Отцов.

Приведу тебе один простой пример, который ты, однако, можешь применить по аналогии и к другим ситуациям, когда наш противник, притворяющийся нашим защитником, приходит внушить нам, будто нам нужно отстаивать свои права: приходит время садиться за стол, и ты видишь, что, тогда как перед всеми братьями есть тарелка, на твоём месте её нет. В это время

страсть права во что бы то ни стало пробудит в тебе волну противоборства с помощью «объяснимого» человеческого помысла: «Разве не имею права и я, как все, на обед? Не является ли это несправедливым?» Если ты достигнешь победы над внушениями этого помысла и сумеешь подавить в себе всякое «объяснимое» движение по отстаиванию своего права, если благодатью Божией в твоём сердце воцарится абсолютный покой, так что ты будешь рассуждать, что по своим грехам ты недостойн даже этой еды, если ты будешь участвовать в благодарственной молитве, как будто и сам ел вместе с другими, и с абсолютным спокойствием и смирением будешь ждать следующей трапезы, тогда ты вышел на правильную монашескую дорогу умерщвления своего права. После этого умерщвления последует живоносное воскресение прав твоих братьев и прежде всего прав Бога, о которых мы каждый день просим Его: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим».

Я поразился этим мыслями, которые я

слышал впервые и которые потрясли меня. Через некоторое время я спросил его:

– Отец Феофилакт, что за причина, которая рождает в душе эту гибель?

– Это отсутствие одной основной добродетели монаха, которая называется отречением. Эта добродетель имеет много образов и много степеней. Частичного отречения, то есть отречения только от некоторых вещей, чтобы стать истинным монахом, недостаточно. Только совершенное отречение оправдывает наше призвание. Нам нужно иметь в виду, что мы не принадлежим самим себе, но только Богу. Наше единственное право заключается в том, чтобы желать принадлежать и душой и телом, всем нашим существом, всецело и каждую секунду только Богу. Скольких диавол привел к катастрофе, потому что связал их этой страстью! Итак, спи на деревянной кровати, встречай Пасху одной селедкой, ешь свою траву с одной только ложкой масла и благодари Бога за лишение даже самых естественных прав. Не за-

бывай об этом, если хочешь стать хорошим монахом.

– Благодарю вас, отец Феофилакт, за ваш совет, столь полезный для моего духовного совершенствования. Прошу вас, не забывайте меня в своих молитвах, чтобы и мне стать монахом, который отрекся даже самого малого, даже самого естественного своего права.

Затем я поблагодарил Бога за этот удобный случай, который Он мне предоставил. С тех пор прошло целых тридцать девять лет, однако, мне до сих пор кажется, что та наша встреча произошла лишь вчера.

Другие отцы-кавсокаливиты: отец Евгений-иконописец, отец Павел и отец Дамиан со своими общинами. Братья каливы святого Акакия: отец Акакий со своими послушниками отцом Иерофеем и особенно любимым мною отцом Тимофеем, чья услужливость осталась для меня незабываемой со времени первого моего посещения Кавсокаливы.

С этим благодатным монахом у меня один раз произошла необычная и волнующая встреча.

Шел я однажды из Святой Анны и, проходя Керасью, начал спуск к Кавсокаливе.

Через некоторое время моих ушей достиг вначале тихий, а затем более различимый голос какого-то монаха, который читал «молитву». Я остановился, чтобы лучше слышать. Голос незнакомый, с нотками плача. Чем больше я проходил, тем «молитва» становилась все напряженнее, и надрыв в голосе вызывал волнение.

Я почувствовал, как по моей спине пробежали мурашки. Я подошел уже совсем близко, стараясь ступать как можно тише, чтобы не побеспокоить молящегося.

«Где он?» – спрашивал я себя.

Внезапно за одним из поворотов дороги, за скалой, я увидел отца Тимофея со спущенной наземь котомкой, со снятой сукфьей, с четками в руках, с раскрытым на груди подрясником, с глазами, устремленными в небо, и лицом, влажным от слез. Он

жалобно призывал имя Господа. Будучи уверен, что в этот час никто не может проходить этой дорогой, он отдался молитве и, стуча себя в грудь, просил милости Божией. С шеи у него свисал большой старый крест на очень грязной бечевке.

Когда он внезапно заметил меня перед собой, сильно смутился и сказал мне только:

– Благослови, брат, прости меня.

И я, взволнованный, ответил:

– Скажи и обо мне два слова Богу, старче: я очень беден духовно.

Я ушел, обогащенный одним из тех впечатляющих примеров, которые Святая Гора показывает своим монахам.

Я очень чтил старца Исидора-резчика вместе с его послушником, отцом Серафимом. Большое впечатление на окружающих производил его тонкий юмор.

Отец Пантелеимон был образцовым иеромонахом, который вел аскетическую жизнь. Он пришел на Гору очень молодым и поселился в Кавсокаливе. За ним следовал его

брат, отец Иоанникий. Для скита он был духовным князем. Молчаливый, серьезный, но очень мягкий в общении – у всех он вызывал уважение. Он много читал и был всегда в курсе всех церковных и даже общественных вопросов. Часто выезжал со Святой Горы, чтобы принести свое служение Церкви совершением таинства исповеди.

Позже я встретил в миру одного пожилого господина, который сказал мне, что когда-то исповедовался у одного афонского монаха из Кавсокаливвы. Та незабываемая исповедь стала для него причиной перемены всей жизни. С тех пор, хотя и прошло много лет, он остался верным Богу, сражаясь на духовной арене. Сколько было таких отцов, как отец Пантелеимон! Достаточно было одного-единственного их прикосновения к какой-нибудь душе, чтобы та получала великую пользу.

Все Кавсокаливские отцы были подвижниками, аскетами, людьми Божиими. Однако среди них особо выделялись отец Арсений-резчик и отец Антоний Препод-

добноотеческий – строгий и благодатный монах, который почти всегда говорил на духовные темы.

Однажды мне рассказали, как строго встретили отца Антония старцы, когда он еще ребенком пришел в их каливу. Желая испытать, есть ли у него силы выдержать монашескую жизнь, его оскорбляли и плохо обращались с ним. Дошли до того, что стали угрожать самой его жизни. Однако он ни под каким предлогом не хотел уходить от них. «Я чувствовал, – говорил он мне, – что они меня любят. Что бы они мне ни делали, что бы ни говорили, ими двигала любовь. Я верил, что они выведут меня на правильный путь монашеской жизни, потому что и сами они следовали по нему в самом чистом, духовном и абсолютном его виде».

В одной из наших с ним бесед я решился спросить у него, встречался ли он в своей жизни с чем-нибудь сверхъестественным, видел ли что-нибудь или чувствовал в своей душе, или, может, случалось ему быть восхищенным душой во внеземные сферы.

Или, может кто-нибудь другой из наших общих знакомых монахов удостоивался такого благословения?

Я сразу понял, что мой вопрос вызвал у него некоторое недовольство.

– Дитя мое, – ответил он мне, – эти сверх-природные явления происходят редко, однако даже если когда-нибудь случаются, признаком их истинности является то, что те, кому открылось нечто многоценное, скрывают это, как дар Божий, совершенно тайный и личный. Они никогда его не разглашают, избегают даже намеков и малейших жестов, которые могли бы выдать его. Если здесь, на Святой Горе, ты встретишь кого-нибудь, кто делает такие откровения, усомнись в их подлинности. С тех пор, как я пришел сюда, мне довелось встречать многих отцов, которых отличали добродетельность, крайнее подвижничество и смиренный помысел, так что наши сердца свидетельствовали нам, что, по причине их явной святости, безусловно, они должны были иметь множество небесных открове-

ний. И тем не менее, они ни разу не про-
ронили ни одного слова о чем-то подобном.
Вместо этого они часто повторяли, что яв-
ляются грешниками и имеют нужду в ми-
лости и снисхождении Божиим. Также в
святоотеческих книгах мы читаем о вели-
ких старцах и аскетах, видим, как они по-
стоянно избегали разглашений подобного
рода. Даже апостол Павел, хотя и был апо-
столом, не приписал восхищения до третье-
го неба себе, но мудро и рассудительно ска-
зал: «знаю человека»³⁵.

Затем, – добавил он, – ты должен был чи-
тать о святом Андрее, Христа ради юродивом,
в жизни которого, по причине его ве-
ликой святости и смиренномудрия, пред-
меты небесные не отделялись от предметов
повседневной жизни, но даже часто пере-
плетались. Он, пребывая на земле и совер-
шая свои «глупости», мог одновременно со-
зерцать события небесного мира, которые
постоянно держал в тайне. Единственный,
кому он открывал то, что видел, был его ду-

35 2 Кор. 12, 2.

ховник, но и то для того, чтобы находиться под его контролем, чтобы не приключилась дьявольская прелесть. Лишь малую часть из открытого ему он сообщил своему тайному и верному ученику Елифанию.

Поэтому я еще раз говорю тебе, дитя мое, никогда не интересуйся этими вещами. Ищи только милости Божией и спасешься.

Глубоко запечатленным в моей памяти остался образ старца Максима-священнопевца. Когда однажды мы вместе с одним братом посетили его, он был болен и не вставал с постели. Его наружность, его скромность выдавали человека, украшенного особыми дарованиями Святого Духа. Он был протопсалтом³⁶ в Константинополе, однако возненавидел славу и известность, отверг мирскую суетность и пришел на Святую Гору, чтобы стать духовным соловьем в уделе Божией Матери.

Соловьи сотворены не для того, чтобы жить среди множества народа и в шуме:

³⁶ Солирующий певец и регент церковного хора.

тогда они чахнут, их голос хрипнет. Они сотворены жить на природе, в одиночестве, и здесь воспевать Бога. Так и отец Максим пришел на Святую Гору, чтобы петь в пустыне, чтобы его слышали только Бог и Его земные ангелы. Его душа не имела преуспевания в миру, его дух задыхался в трясине похвал и чести.

Безмолвный и терпеливый лежал он на одре болезни, когда я застал его в келии. На протяжении тридцати лет он оказывал послушание своему старцу отцу Кириллу. Теперь же, когда отец Максим, с достойным удивления терпением, одну за другой принимал раны болезни, его старец в свою очередь, со смирением и самопожертвованием прислуживал ему. Мы, взволнованные, приблизились к нему и завели разговор в надежде, что услышим, как он поет – пусть даже на болезненном одре. Мы попросили об этом его старца, который велел ему выполнить нашу просьбу.

– Сейчас я, – сказал он нам смиренно, – уже забыл, как надо петь. Думаю лишь о

том, как мне с терпением использовать дни своей болезни, чтобы, когда буду уходить из этой жизни, внутри меня оставались крепкая надежда на спасение. Однако, ради послушания, спою немного.

И, пытаясь подняться, он добавил:

– Я болен, мне трудно.

Мы помогли ему и подложили несколько подушек под спину.

– Прошло уже много лет, как я перестал петь на всенощных. Теперь пою только Богородице – Матери нашего Господа и Матери всех святогорцев. Поэтому пропою вам «Достойно есть».

Тогда я весь превратился в слух, чтобы насладиться пением святого мученика, каким я его считал. Когда он начал петь, я подумал, что небесные звуки исходят из неземных органов. Первый и, возможно, последний раз я слышал такой ангельский гимн.

Пропев последний слог, взволнованный и уставший, он снова лег.

Мы поблагодарили его, а также его старца, и ушли. Выйдя из келии, я обошел ее во-

круг и осмотрел в последний раз. С тех пор я ее больше не видел. Сам же отец Максим находится сейчас на небесах и «непрестанными устами, немолчными славословиями» поет вместе с хорами Ангелов победную песнь «Свят, Свят, Свят...», перед Божией Матерью и Всепетой Троицей.

Отец Дамиан Кавсокаливский имел вид патриарха. Родом он происходил из Мессинии. Исполненный доброты и радушия, приветливый, изобилующий красноречием, высокий, величественный, седобородый. На всех, кто встречал его на тропинках скита, он производил впечатление представительного патриарха.

Отец Афанасий Стрендзовас – он назывался так потому, что происходил из Стрендзовы в Аркадии³⁷, – был благодатным, радостным и очень простым старцем. Где простота – там обитает Божественная благодать, там изобилуют богатство и благословение Божие. И кто из святых, кто из

37 Область в центральной части Пелопоннеса.

монахов, с которыми я был знаком, не был украшен детской евангельской простотой?

Простота и любовь характеризовали всех насельников Кавсокаливы. На них зиждилась также один прекрасный пасхальный обычай: каждую Пасху отцы собирались в группы и обходили каливы, чтобы поприветствовать и поздравить друг друга словами «Христос Воскресе!».

В ту Пасху я тоже наблюдал из своей келии, как группки отцов, подобно детям, поющим колядки, ходили от одной каливы к другой и пели все вместе «Христос воскрес», «Ангел вопияше» и другие пасхальные гимны – в одном искреннем и воодушевленном порыве.

Совпало так, что несколько групп встретилось вместе в каливе старца Михаила – доброго монаха, родом с островов, гостеприимного и радушного. После обычных воскресных тропарей все расселись во дворе каливы для угощения. Из нашей келии было все хорошо видно. Они сидели на деревянных бревнах. На столе под открытым

небом были поставлены красные пасхальные яйца, сыр, вино...

Когда они дополнили свою радость и победный возглас веры «Христос Воскресе!» земными благами, тогда взяли в руки ноты и начали петь с некоей неземной радостью. Им должны были позавидовать и Ангелы на небе! Их голоса – чистые, радостные, торжественные – отзывались эхом в ущелье, спускались к тихому морю, поднимались над Афоном до звезд небесных...

В ТРЕХ ИЗ ПРОСЛАВЛЯЕМЫХ КИНОВИЙ

Монастырь святого Дионисия был мне особо близок. Если я шел в Дафни по суше, то иногда заходил в свой любимый монастырь, чтобы повидаться с уважаемыми и возлюбленными старцами, Гавриилом и Лазарем. А также брал благословение у святого Иоанна Предтечи, прикладываясь к его деснице.

Как-то раз, зайдя в притвор храма, я увидел гроб и в нем усопшего брата. Отцы, сидя вокруг в стасидиях, слушали Псалтирь, которую читал один монах, и по четкам молились о душе усопшего.

Приложившись к останкам брата, я осмотрелся вокруг и в одном углу заметил своего многоуважаемого отца Лазаря. Я сделал перед ним положенный поклон и спросил, кто умер. Тот с волнением ответил:

– Отец Поликарп.

Я растерялся:

– Но в прошлый раз, когда я приходил, он хорошо себя чувствовал?!

– Выйдем, – предложил он мне, – я тебе все расскажу.

Мы вышли наружу, и он с большим волнением начал рассказывать мне о смерти отца Поликарпа:

– За три часа до своей смерти отец Поликарп постучал в дверь игумена и сказал ему: «Старче, я ухожу из сей жизни. Возьми ключи моей келии, также приготовь свечи и все остальное, что нужно для погребения».

Затем он передал ключи и облобызал руку игумена. Так он в последний раз взял благословение у своего старца. Святой настоятель сначала не хотел ему верить, однако отец Поликарп казался непреклонным. Он хотел быстрее идти в больницу. Я принял его там и, уложив на кровать, спросил, что с ним «Я совсем плохо себя чувствую, – ответил он мне. – Скоро отойду. Позови игумена. Я хочу, чтобы надо мной совершили елеосвящение и причастили». К нему

сошлись все братья обители, чтобы совершить таинство елеосвящения и причастить его Пречистых Таинств. У него к этому времени поднялась высокая температура. Не прошло и трех часов, как он внезапно позвал старца. Однако, пока старец пришел, отец Поликарп уже упокоился...

Удивительная смерть, – сказал, заканчивая, отец Лазарь, – смерть преподобного. Почивший монах действительно был подвижником. Да будут с нами его молитвы.

Взволнованный рассказом о его смерти, я остался на погребении святого иеромонаха. Я смотрел на него, лежащего на носилках – завернутого и зашитого в свою рясу, не имея возможности увидеть его преподобного образа. (Монахов, когда они умирают, зашивают в рясу так, что лица не видно.) По мнению и преданию монахов, тело, которое принесло себя Богу, тело, которое сурово постилось для Него, которое бдело, проливало пот, преклоняло колени и орошало келию горячими слезами любви и покаяния, уже не принадлежит прелести

настоящей жизни. Все это помещает монаха в чине «святых».

Особенно волнующей была картина на кладбище, когда тело сняли с носилок и положили на краю открытой могилы. Тогда слышался срывающийся от волнения, умильный и смиренный голос святого настоятеля:

– Отцы и братья, наш брат, иеромонах Поликарп, перешел от преходящего к небесному. Пусть каждый по одному разу «переберет» четки об упокоении его души.

И начал взволнованным голосом говорить: «Господи, Иисусе Христе, упокой раба Твоего».

Я мог бы много писать о монастыре Дионисия, однако ограничусь самым значительным.

Многие монахи из скитов и келий имеют обычай приходить в монастыри на престольные праздники, чтобы помогать отцам обители справиться с необходимыми приготовлениями.

Как-то раз и я с двумя-тремя братьями

отправился по благословению своего старца помочь дионисиатским отцам подготовиться к празднику их обители.

Почти со всей Святой Горы сюда начали сходить монахи и миряне, чтобы вместе отпраздновать Рождество святого Иоанна Предтечи. Мы лихорадочно работали, помогая на всех послушаниях: в архондарники, на кухне, – везде. Накануне, после обеда, прибыл приснопамятный митрополит Милитупольский Иерофей. Когда он подъехал к монастырю, зазвонили в колокола и запели. Игумен с певчими и иеромонахами вышли ему навстречу. Картина была впечатляющая.

Позже, когда зашло солнце, вновь слышался неземной звон колоколов. Скоро во всем своем священнолепии началась всенощная: «Слава Святей и Единосущней и Животворящей и Нераздельней Троице...» Все стасидии были заполнены немymi тенями, чье присутствие в полусвете храма напоминало некие сени перед Царством Небесным: сначала полусвет, а затем свет.

Правым певчим был отец Даниил из Ка-тунак, которому помогали его послушники, Геронтий и Нифон. Слева – кто-то из Нового Скита. Началось пение. Голоса певчих создавали такое ощущение, будто находишься в других мирах. Диаконы с кадилами в руках и подобиями храмов на плечах кадили, следуя ритму пения. Отец Даниил, своим благоговейным и крепким голосом, также как и искусством ритма, произвел на меня такое впечатление, что всенощная осталась для меня незабываемой. Однако, возможно, то, что имело наибольшую ценность, был не голос – отец Даниил был прежде всего духовной личностью.

Всенощная проходила в том же светлом ритме, пока не пришло время Божественной Литургии. Мы, прислуживавшие, следили за ней из притвора, который находится у основания купола. Только тот, кто однажды видел и пережил такую надмирную службу, сможет понять то, что я хочу описать.

Архиерей, священники и диаконы, певчие, канонархи и экклесиархи в своих

мантях – все задавали этому Богослужению единый внемирный тон. Бог и люди объединились. Храм уподобился небу. «В храме стояще славы Твоя, на небеси стояти мним...» Смысл этого гимна осознаешь именно в такие часы. Сияние храма вскоре перенеслось в трапезную. На трапезе присутствовало свыше трехсот пятидесяти отцов. Во главе стола сидел епископ. Сбоку от него – игумен обители, затем священники и монахи. Все ели и одновременно слушали чтеца с амвона. В конце был «Чин Панагии», и, воспевая «Достойно есть», мы все приняли благословение от кусочка просфоры.

Я не остался в монастыре на вечерню, как и на поминовение его основателей и устроителей, которое совершалось, как заведено, на следующий день. У меня было благословение старца вернуться в тот же день назад.

Всенощные бдения на Святой Горе всегда давали монахам удобный случай для получения духовной пользы. Так и я считал их хорошим средством для своего душевного

возделывания. Так как я чувствовал себя духовно «бедным и нищим»³⁸, то старался за каждой всенощной увидеть или услышать от других отцов что-нибудь такое, что помогло бы мне приблизиться к Богу. И из еженедельных всенощных в нашей калитве, и откуда бы то ни было еще я пытался что-нибудь да взять, найти для себя какую-нибудь пользу.

Отец Иоаким говорил нам, что если мы за время всенощного бдения не смогли приблизиться в сердце к Богу, то наши труд и жертва напрасны. В каждом духовном проявлении монаха Бог должен быть началом и концом. Именно поэтому всенощные мы начинаем каждением и прославлением Животворящей Троицы. Именно поэтому всю ночь мы должны умом и сердцем обращаться вокруг трона Божественного Величия.

Монастырь Григория в мои дни был одной из лучших киновий на Горе. Отцы-григориаты были великими подвижниками.

Игумен обители, архимандрит Афанасий, задавал тон всей духовной жизни обители. Великий образ! Я попытался запечатлеть его во втором томе из серии «Современные святогорские образы».

Ныне уже покойный отец Димитрий был настоящим мучеником. Свыше двадцати лет он страдал от одного серьезного вида грыжи. Его недуг был замечен даже когда он носил рясу, потому что почти все его внутренности переместились в мешок, который составлял вторую брюшную полость! Врачи настойчиво требовали, чтобы он сделал операцию – трудновыполнимая задача в его возрасте – или, по крайней мере, чтобы он прекратил ходить на службы и тем более служить. Однако отец Димитрий, находясь в таком тяжелом положении, на протяжении двадцати лет не прекращал каждый день совершать Божественную Литургию и участвовать во всех богослужениях. Все, кто был знаком с монастырем Григория, поражались этому герою.

Другим героем терпения был отец Кон-

стантин – замечательный монах, который провел всю свою жизнь в болезнях и страданиях. Бог благословил его кончину. Он умер сразу же после того, как причастился.

Из других отцов-григориатов нельзя не упомянуть о монахе старце Артемии. По свидетельству современников, за службой он никогда не садился в стасидию. И это продолжалось с тех пор, как он пришел в обитель, и до самой его смерти.

Какой-то промежуток времени старец Артемий служил на подворье обители в Арте³⁹. Весь народ превозносил его человеколюбие. Ходил он, например, на рынок за покупками и возвращался с пустыми руками, потому что по пути раздавал все купленное бедным и старикам.

Его отличала замечательная простота. Как-то раз приехал он в Пиреи по делам монастыря. Там в порту к нему подошла блудница и позвала его в дом греха. Бесхитростный и простой, он принял предложение и сказал себе:

39 Город в западной части Греции.

– Слава Богу! В этой огромной толпе нашелся человек, который приютит меня!

Та отвела его в комнату, дала ему поесть и оставила одного. Старец начал молиться по четкам. Вскоре женщина постучалась в дверь. Однако отец Артемий привык вместе со стуком в дверь слышать «Молитвами...», чтобы ответить «Аминь», и тогда только открывал.

– Скажи «Молитвами», – крикнул он ей, когда она начала стучать громко и настойчиво. – Скажи «Молитвами», иначе я тебе не открою.

«Раз не говорит «Молитвами», значит точно – демонский дух», – подумал он и продолжил свою молитву, не обращая внимания на стук.

На другой день, поскольку старец ничего не заплатил за ночлег, женщина пошла жаловаться в Архиепископию. Отец Артемий оправдывался, что она сама пригласила его, не прося у него денег. В Архиепископии тогда оценили простоту отца Артемия и оплатили расходы за его питание и ночлег.

Обитель Констамониту была обителью покаяния⁴⁰ моего старца. Поэтому, естественно, что у нас с ней было много связей. По причине нашего духовного родства я часто посещал обитель, особенно в ее праздники. Как от старца, так и по своему личному опыту я знал почти всех отцов-подвижников монастыря. Отец Филарет, отец Стефан, отец Нифон, отец Модест, отец Симеон, рассудительность и благоразумие которого были уважаемы всеми, – все отцы подвизались подлинным подвигом монашеского совершенства.

Один из монастырских праздников совершается в день памяти святого Константина.

И вот однажды некоторые братья нашего скита отправились в эту обитель, чтобы разделить с ней радость праздника.

Монастырь был заполнен паломниками, которые сошлись сюда почти со всей Святой Горы. Всенощное бдение началось

40 То есть обителью, в которой он принял монашеский постриг.

на очень торжественной ноте. Священники, диаконы, певчие приступили к своим обязанностям. Все служило прославлению Бога и великого императора святого Константина.

После помощи на кухне я пришел в храм и устроился здесь в стасидии в притворе. Справа, из соседней стасидии, я слышал тихий шепот, который становился все громче. Вскоре я смог ясно различать слова: «Господи мой, помилуй меня». Вскоре вместе с «молитвой» слышались и всхлипывания. Мои душа и ум замерли. Кто этот брат, который так напряженно живет молитвой даже во время праздничного всеобщего бдения? Мне очень хотелось об этом узнать. Вскоре я понял, что это брат Н., известный своей жизнью и благоговением во время молитвы. Когда он пришел в монастырь, ему было двадцать лет. Тогда духовное войско обители насчитывало множество святых монахов, и он следовал их примеру во всех проявлениях своей жизни.

Выполнение самых тяжелых работ, са-

мых многочисленных и трудных послушаний было отличительной чертой его жизни в киновии. И все это он совершал в молчании. Монах Н. был первым также и во всяком духовном подвиге. Ему поражались все, но особенно те, которые пытались ему подражать. До сих пор, когда пишутся эти строки, он придерживается своего пути в духовной жизни, живя в своем монастыре. Сколько монахи-подвижники ни пытаются скрыть свои подвиги, им это не удастся – подвиги становятся явными.

Всенощная, которую возглавлял уважаемый игумен отец Симеон, прошла в большом духовном напряжении. Сколько раз я видел слезы, слышал воздыхания отцов, которые глубоко переживали присутствие Божие!

Среди отцов, о которых я упомянул, достойным особой любви был отец Модест. Он был монахом, которого Бог щедро одарил различными дарами. На протяжении многих лет он внимательно изучал святоотеческие труды, соединяя теорию с практикой.

Много лет в качестве санитаря служил он больным в больнице обители. Одновременно он был также библиотекарем. Мягкий и великодушный в обращении. Для него все отцы были «его братьями».

Однажды, когда мы совершали прогулку под сенью вековых деревьев по направлению к усыпальнице монастыря, он сказал мне:

– Если мы не чувствуем, что все братья являются нашими собственными, а мы – их, то Дух Святой никогда не будет обитать в наших сердцах. Наше отношение к ним не должно зависеть от их духовных достоинств. Примером для нас здесь является Сам Господь. Он любит нас и заботится о всех нас одинаково, независимо от нашего духовного состояния. Самого грешного Он любит так же, как самого святого. Поэтому и наша душа должна обнимать всех людей, и тем более отцов, живущих здесь, на Горе. Любовь умеет терпеть, умеет уступать. На ней строятся наши отношения с нашими

сподвижниками. Бог, брат, «есть любовь»⁴¹.

Любовь была припевом, сопровождавшим всю его жизнь. И еще много раз я слышал, как он повторял подобные мысли. Все его действия были выверенными, всегда носили на себе печать воли Божией. Я очень чтил его и каждый раз, приходя в монастырь, пытался провести с ним как можно больше времени. Он помог мне понять, что плод и предпосылка любви есть общение с Богом, которое осуществляется через молитву и участие в таинствах.

У меня складывалось впечатление, что отец Нифон и отец Модест занимали ведущее место в духовной жизни обители. Возможно, я погрешу против их скромности, так как они до сих пор пребывают в ссылке настоящей жизни, однако, надеюсь, что они простят мне то, что я рассказал о них, потому что они научились прежде всего любить и равно терпеть как от тех, кто их превозносит, так и от тех, кто их осуждает.

41 1 Ин. 4, 16.

В МИТРОПОЛИИ АФОНА

Однажды мне поручили отнести в Лавру письмо, для духовного собора. Нужно было выйти в полночь, чтобы утром, когда откроется канцелярия духовного собора, быть уже в монастыре. Так я смог бы быстро выполнить свое поручение и вернуться обратно.

– Херувим, будь осторожен, – сказал мне старец, – если встретишь ночью кого-нибудь в лесу, не разговаривай с ним. Знаешь, кого я имею в виду. (Понятно, кого он имел в виду.) Я тебе уже говорил об этом. По пути будешь читать «молитву» и так, пока дойдешь куда надо, завершишь последование по четкам.

Я сделал поклон, взял благословение и отправился в путь. Ночь, лес, какие-то странные звуки держали меня в постоянном напряжении. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». «Пресвятая Богородице, спаси нас». «Святой Божий, моли Бога о

нас»⁴². Я должен был по четкам совершить все последование утрени. Вдруг послышался топот мула. Я заволновался. Возможно, это то самое «нежелательное лицо». Однако, кто бы это ни был, я опущу голову и не скажу далее «благословите». Таково было благословение старца.

Действительно, вскоре я оказался рядом с самым нежелательным лицом во всей нашей округе.

– Послушай сюда, монах! Я знаю, что твой старец сказал тебе, чтобы ты, когда встретишься со мной, не только не разговаривал, но даже не оборачивался посмотреть на меня. Однако, мне очень хотелось бы рассказать тебе кое-что из своего собственного опыта.

Я между тем шел дальше. Однако тут я поддался любопытству послушать, что же он скажет. Поэтому я немного замедлил шаг, но не останавливался. В тишине ночи я ясно услышал, как он говорит:

42 В русской литургической практике эта молитва звучит так: «Святой *имярек*, моли Бога о нас».

– Мучениками были не только те, кто был разорван зверями, сожжен на костре или обезглавлен. Мучениками являются также те, кто отказался сделать даже малейшее движение рукой перед идолом. Слышишь? Ты тогда только станешь хорошим монахом, когда будешь внимателен даже к мелочам своего послушания.

Я продолжил свой путь, смущенный как самим присутствием этого лица, так и тем, что услышал. Надо же, какие сокровища скрывает в себе старик В.! Я прославил Бога, потому что, избежав разговора с этим «лицом», я взял также для себя нечто полезное.

Пока я шел, внезапно сверху услышал вопли, от которых волосы у меня стали дыбом, и громкое хлопанье крыльев какой-то большой птицы. На секунду я испугался. Однако старец предупредил меня о возможности и такого, и я бесстрашно продолжил свой путь. Пока я жил на Святой Горе, часто слышал этих птиц.

Утром, прежде чем отперли ворота оби-

тели, я уже был под ее стенами. Надел рясу, приладил котомку и, как только привратник открыл врата, вошел внутрь и сразу направился в архондарик. Здесь я получил от архондаричного, покойного отца Агафангела, положенный кофе и подождал, пока не позвонят в колокольчик, что означало: канцелярия открылась.

Спускаясь во двор, я повстречал своего любимого отца Феофила-ключника. Насколько святым был этот человек! Он заметно выделялся в монастыре своей строгой жизнью и добродетельностью.

– Отец Херувим, – сказал он мне, – до того как уйдешь, я хотел бы тебя видеть.

Что на это можно сказать? Ни пустыня, ни киновия, ни *особножитие* сами по себе не делают человека святым. Только полное предание себя Богу и послушанию творят такие избранные образы.

Так как в моем распоряжении оставалось довольно много времени, я решил навестить также отца Аввакума. Каждый раз, когда я приходил в Лавру с намерением

остаться на ночь, меня всегда принимал к себе в больницу этот герой любви.

Когда приходишь в монастырь, – сказал мне он еще раньше, – сразу же направляйся сюда.

Ночи, дни, месяцы, годы, зимой, летом отец Аввакум, склоненный над корытом, обстирывал и купал прикованных к постели больных братьев обители, а также многих брошенных мирян. От корыта и стирки он бежал на кухню. Нужно было приготовить им еду, которая часто не ограничивалась только одним блюдом. Он кормил больных и менял им одежду, чтобы они всегда были чистыми.

Закончив все эти послушания, он приступал к исполнению своих монашеских обязанностей. Совершал в часовне богдельни все двадцатичетырехчасовые последования, вместе со своим «правилом». Этому уставу он следовал много лет. Когда и сколько он спал после всех своих дел, я не знаю, несмотря на то, что часто гостил у него.

В обители Великой Лавры в то время жили великие личности. К сожалению, я не знал их всех.

Монах Афанасий Камбанаос был ученым врачом с широкой славой, человеком талантливым и добрым. Он был настолько располагающим к себе и добросердечным, что у всякого, кто приближался к нему, душу охватывала радость. Он умел с каждым вести себя соответственно его характеру.

От своего старца, с которым он был тесно связан, я узнал, что это был настоящий подвижник. Он имел обычай регулярно посещать пустынников. Говорят даже, что он был связан с двенадцатью аскетами, которые, согласно святогорскому преданию, являются самыми святыми монахами Горы и живут совершенно уединенно, будучи никому неизвестны. Он один общался с ними и снабжал их просфорами и вином для Божественной Литургии. Согласно тому же самому преданию, последняя Литургия на земле будет совершена именно этими невидимыми двенадцатью. Их число всегда

постоянно, потому что, когда умирает один из них, его место занимает кто-нибудь из лучших монахов Святой Горы. Об этом говорил мне мой старец как о молве, которая с давних пор ходит между святогорцами.

Послушник отца Афанасия, отец Павел (тоже врач), своим строгим восточным благочестием задавал особый тон жизни монастыря. Он очень любил богослужение и был истинным последователем святого Никодима в вопросе о частом Причащении.

Начальствующий отец Амвросий – столп и утверждение рассудительного управления монастырем – вызывал удивление всякого посетителя, который встречался с ним. Тщательно возделанные души его послушников Филиппа и Нафанаила были живыми свидетельствами правильного монашеского руководства, которое они получали от своего старца.

Среди выдающихся братьев были также отец Иоаким – первый помощник старца Амвросия в управлении обителью, покойный отец Исаак, отец Хризостом, отец Ге-

расим, отец Александр, который отличался большим талантом и знаниями, другой отец Александр, отец Иерофей, отец Тарасий – тайный подвижник, отец Пантелеимон-библиотекарь, отец Нил с Пелопоннеса, отец Григорий – второй секретарь, и множество других отцов, которые укрепляли и освящали Лавру в ту эпоху. Все они были верными преемниками основателя монастыря и великого отца нашего Афанасия.

Монастырь Лавры, славившийся своей историей и заслугами, вызывал в нас тайную радость, что и мы являемся его детьми. Мне много хотелось бы рассказать о Лавре. Однако все это заключу в следующее: Лавра со своими пустынями, скитами и прочими ответвлениями, есть акрополь святогорского монашества, есть сама Святая Гора. И Святая Гора есть Лавра.

Перед тем, как уходить, я зашел к отцу Феофилу, который наполнил мою котомку различными «благословениями». Затем я взял у него благословение и отправился в свой скит.

На расстоянии приблизительно двухсот метров от Великой Лавры находится кафизма святого Константина. Я посетил ее по благословению своего старца. Эта кафизма была спрятана среди дикой растительности, в месте на редкость спокойном.

Старцем общины был отец Георгий. Я много слышал об его аскетичности. Я постучал в дверь и обождал, пока мне открыл один молодой монах. Я сделал поклон, и он провел меня к своему старцу. Я оказался перед монахом, который был уже в возрасте, седой, в очках, сдвинутых на нос, с юношеским выражением лица, улыбающийся и радостный.

Он был совершенно босой. На нем был подрясник, находившийся в жалком состоянии и годившийся больше для половой тряпки, чем для одежды. Я поклонился, и он предложил мне сесть на ветхую скамейку. Затем он расспросил меня о старце и прочих братьях нашей каливы. Сам он не садился, что поставило меня в затрудни-

тельное положение. Я попытался встать, потому что в нашей общине было правило: не сидеть младшим, когда стоят старшие. Однако он заставил меня остаться на своем месте.

Рукоделием общины было иконописание. У этих отцов и мой собрат отец Иоаким выучился писать иконы.

Внутренность каливы находилась в жалком состоянии: везде были нечистота, беспорядок и заброшенность.

После положенного угощения я сошел вниз поклониться в церковь, которая была посвящена святому Константину. Когда послушник, по имени Паисий, открыл двери храма и позволил мне войти внутрь, я изумился. Меня поразили «больничная» чистота, образцовый порядок и, прежде всего, превосходные иконы. Лампады сверкали. Святой алтарь блистал. Разница между храмом и остальными помещениями была настолько разительной, что я оказался в недоумении. У меня родилась аналогия между ухоженным храмом и душевной чистотой

братьев каливы с одной стороны, и неухоженностью каливы и их внешней небрежностью, с другой.

Отец Иоаким описал нам образ старца Георгия как аскетического художника, сурового и строгого к себе монаха, человека, который хорошо разобрался в том, что значит настоящая жизнь и что – будущая. Он как должно оценил и ту и другую. Он проводил свою жизнь, пренебрегая всем земным. Это можно было видеть, даже не разговаривая с ним, а только глядя на него. Незабываемая личность...

Как-то в другой раз, возвращаясь из Великой Лавры, я дошел до места, с которого передо мной открылось бескрайнее Эгейское море.

Был конец марта – начало апреля 1941 года. Вдали я различил четыре-пять кораблей, которые направлялись куда-то на север: Кавалла – Александруполь. Я остановился, ожидая, когда они подойдут ближе. Мне хотелось получше их рассмотреть, по-

тому что в то время всех нас волновала война, и все, что имело с ней связь, вызывало у нас особый интерес.

Когда они приблизились на достаточное расстояние, я убедился, что это конвой, потому что три-четыре небольших военных корабля окружали два-три огромных транспортных судна. Эта картина меня взволновала. Значит, наша родина сражается и еще не сложила оружие⁴³.

Какие только мысли не возникли у меня в те секунды! Наши юные братья в бою. Женщины и дети в городах под непрерывными бомбардировками. Убежища, смерть, увечья, госпитали, переполненные ранеными, и столько всего остального.

Мой взгляд сам по себе устремился к небесному Отцу. Я горячо просил Его о помощи в великом испытании, в котором оказалась наша родина.

– Сделай так, Господи, чтобы этот конвой не достиг своей цели. Сделай так, что-

⁴³ Нападение на Грецию сначала со стороны Италии, а затем со стороны Германии было осуществлено еще в 1940 году. Страна долго оборонялась, пока не была полностью оккупирована в 1941 году.

бы эти суда, которые я вижу перед собой, быстрее потонули. Господи, не допусти их, – шептал я с волнением.

Мое сердце было исполнено благодарности благому Богу за то, что Он защитил Святую Гору от ужасов войны. Я почувствовал себя в безопасности.

Однако, не успел я еще закончить размышления, как услышал громкое шипение. Я посмотрел вниз и увидел, что прямо у моих ног скрутилась гадюка, которая постепенно выдвигала голову, чтобы меня ужалить. Движимый инстинктом, я моментально оказался далеко от нее и убил ее посохом. Затем я подумал, что нигде нет безопасности, если нас не покрывает Бог. Если бы эта змея укусила меня, смерть была бы верной, потому что ее яд, как известно, смертоносен, а в пустыне «не было помощника». Да славится имя Божие. Затем я сказал себе: «Херувим, не обольщайся ничем в настоящей жизни. Нигде нет безопасности – только в Боге».

Вскоре я потерял конвой из вида. Он двигался быстро. Взволнованный патриотическими чувствами, а также признательный Богу, Который спас меня от верной смерти, я продолжил свой путь.

Когда я подошел к Холодным Водам, увидел одного пожилого крупного монаха, который, привязав своего мула к кусту, сидел, скрестив ноги, на земле возле источника. Перед ним лежала котомка, а сверху на ней несколько сухарей, которые он смачивал в воде и ел с орехами и медом.

Этот монах был мне незнаком. Поздоровавшись с ним, я понял, что это, должно быть, румын. Он поговорил со мной немного на ломаном греческом и пригласил к своему живописнейшему столу. Затем продолжил свою трапезу. Я предположил, что это, наверное, отец Корнилий – один из руководителей румынского скита святого Иоанна Предтечи.

Холодная вода, лес, седалище монаха, подручный стол, животное, которое паслось поодаль, привязанное к кусту, – мно-

гие художники захотели бы изобразить этот пейзаж, и у них получилась бы редкостная картина.

В районе Лавры особый духовный интерес представляла также пустыня, расположенная между Святым Петром и Виглой.

Накануне праздника Введения Богородицы в 1941 году мы проходили через эту местность вместе с отцом Антонием Мустакасом Кавсокаливитом. Мы направлялись в Виглу, где должен был быть престольный праздник каливы двух замечательных знакомых исихастов.

Мы оставили позади обрывистый и дикий участок дороги – это за Святым Нилом Мироточивым, – и продвигались по ступенькам, раздвигая кусты. В какой-то момент я почувствовал сильнейшее благоухание, от которого стало трудно дышать. Я остановился и спросил своего спутника:

– Старче, что это за благоухание, что за запах? Я не могу дышать!

– Я ничего не чувствую, – ответил он мне.

– Давай пройдем немного вперед, сядем, и я тебе все объясню.

Когда старец начал говорить, благоухание исчезло. Вскоре мы сели перевести дух, и я повторил отцу Антонию свой вопрос.

– Это благоухание я ощущал два раза, – сказал он мне. – Также другие отцы: кто больше, кто меньше, проходя здесь, наслаждались этим Божественным даром, о котором неизвестно, как и откуда он происходит. Тем не менее, все мы пришли к выводу, что источником этого удивительного благоухания является пещера преподобного Петра Афонского. Видимо, он был погребен где-то здесь недалеко, хотя некоторые историки говорят, что его похоронили в Константинополе. Как ты знаешь, немного выше находится пещера, в которой подвизался Преподобный. Есть ли какой-то другой Святой, погребенный здесь, и происходит ли благоухание от него, – мы не знаем. Отец Хризостом, который подвизается в пещере преподобного Петра, мог бы много нам рассказать о чуде этого неопишуемого благоухания.

Отец Хризостом жил там вместе со своим старцем. Они проводили жизнь строжайшей аскетичности. Они были лишены всего. Несколько каштанов, немного сухарей, которые им посылала Лавра, и маленький сад были их единственным материальным благом. Но они превозмогли нужды тела. Это были подвижники высшего порядка. У них была геройская решимость подражать жизни преподобного Петра, в пещере которого они обитали.

С большим волнением и удивлением вспоминал о них приснопамятный митрополит Трикки и Стаг Дионисий, который был послушником у старца Зосимы в Лавре. Много раз – как он мне говорил – старец брал его с собой, и они ходили в пещеру Преподобного, чтобы насладиться обществом этих двух святых аскетов. «Невозможно, – говорил он мне, – забыть воздержанность их жизни, простоту их сердец, их умение обходиться без самых необходимых вещей. Помню подрясники, которые они носили, – старые и изодранные, неумытость, которая обезо-

браживала их лица и бороды; ноги, которые были всегда босыми. Однако, несмотря на всю неопрятность и жалкий внешний вид этих монахов, я всегда просил своего старца навестить их, потому что рядом с ними я чувствовал духовное сияние и душевный покой».

Разговаривая с отцом Антонием о святом Петре Афонском, мы незаметно добрались до цели своего путешествия. Моя душа не могла постигнуть этого великого образа. Много можно было бы говорить об этом первом преподобном представителе святогорского исихазма. Предание сохранило, что Божия Матерь дала ему особые обещания о Своем уделе и монахах, которые будут здесь жить:

Отныне это место будет зваться Святая Гора и Мой сад. Я особо люблю и помогаю тем, кто приходит сюда всей душой поработать Богу. И придет время, когда оно наполнится от края до края множеством монахов.

Поэтому радуется и веселится дух Мой

о них... И возвеличу его на Востоке и Западе, Юге и Севере, и известным сделаю его имя во всем мире, и терпящих в нем скорби и стеснения удостою великих даров в великий день Сына Моего.

(Из жития преподобного Петра)

НА СЕВЕРЕ СВЯТОЙ ГОРЫ

Однажды по делам нашей каливы пришел я в Ватопедский монастырь. Этот монастырь особножительный и очень богатый. Перед тем, как мне отправиться в путь, старец рассказал мне все, что относилось к монастырю, и дал несколько советов. Наконец он сказал:

– Прежде всего повстречай отца Евгения-ключника, и он тебе послужит.

Я взял благословение и отправился в далекое, но одновременно и приятное путешествие. Большую часть пути я шел пешком. В некоторых местах дорога была исключительной – редкой красоты пейзажи, леса, холодные журчащие ручьи.

Через десять часов пути я, изрядно уставший, приблизился к Ватопеду. Дошел до старых развалин Афониадской школы⁴⁴, ко-

44 Афониада – духовное училище, основанное в 1749 году при Ватопедском монастыре. Одним из наиболее известных его руководителей был Евгений Вулгарис. (После него училище пришло в упадок.) В 1842 году такое училище было открыто в Карее. В настоящий момент там получают богословское образование как монахи, так и миряне.

торой когда-то руководил великий учитель Евгений Вулгарис⁴⁵. Сверху были видны великолепные строения, которые составляли обитель. Сколько святых жило здесь! Сколько историй, легенд и чудес, сколько сокровищ и чудотворных икон таила она в себе!

Со страхом и трепетом прошел я через ворота монастыря. Я в Ватопеде, – шептал я себе. Первого встретившегося мне монаха я попросил показать мне келию старца Евгения. Я постучал в дверь его прихожей и подождал. Постучал второй и третий раз. Услышал шаги, и вскоре передо мной предстал весьма пожилой монах. Я поклонился ему и рассказал, откуда пришел и чьим послушником являюсь. Тот, как только услышал, откуда я, взял меня за руку и провел в свою келию, выражая словами и показывая обхождением великую любовь.

45 Евгений Вулгарис (1717–1806) – один из самых значительных греческих богословов XVIII столетия. Преподавал в богословских школах Иоаннины и Афона. Русской императрицей Екатериной II он был приглашен в Россию, где занимал сначала Херсонскую кафедру, а затем переехал в Петербург, где был избран действительным членом Петербургской Академии Наук.

Обстановка внутри была предельно аскетической. Отец Евгений, хотя и жил в богатом и особножительном монастыре, тем не менее, вел скитский образ жизни. Его внешность, речь, но, главным образом, сама его келия красноречиво говорили о его аскетичности.

На некоторое время он оставил меня одного, чтобы приготовить угощение и чтобы дать мне возможность сменить рубаху, что святогорцы обычно делают после длительных переходов. За это время я осмотрелся в его комнате. На стене на двух гвоздях висели ряса и рубаха, в одном углу была постлана большая овчина, чуть дальше стол ручной работы и один стул, на котором я и сидел две-три иконы, висевшие на стене, завершали убранство келии. Я был удивлен: я в Ватопеде или в Каруле? – спрашивал я себя.

Вскоре появилось угощение. Я рассказал старцу о цели своего посещения, и он дал мне несколько советов, как лучше уладить свои

дела. Через некоторое время, голосом, полным озабоченности и любви, он сказал мне:

— Я тебя отведу в архондарик, чтобы на ночь ты остался там, потому что у меня здесь нет возможности устроить тебя.

— Старче, мне бы очень хотелось остаться вечером с вами, — попросил я, — даже если для этого придется провести ночь на стуле.

— К сожалению, — ответил он мне, — и тот у меня один. Завтра утром, устроив свои дела, зайди ко мне — поедим вместе. Тогда в нашем распоряжении будет достаточно времени, чтобы лучше познакомиться.

Почти всю ночь я думал об отце Евгении и его аскетической обстановке: овчина, один стул, стол, допотопная «вешалка» и несколько икон. Значит, — говорил я себе, — он спит на овчине, сидит на том единственном стуле, ест за тем вручную сколоченным столиком? В Ватопеде, где все свидетельствует о богатстве и зажиточности, еще существуют такие аскеты?! Боже мой, когда уже рассветет?!

Утром, едва закончив свои дела, я сразу

же побежал к отцу Евгению. Я застал его за приготовлением обеда. Как только он закончил, не дожидаясь обычного времени, поставил на овчину низкий столик высотой приблизительно двадцать сантиметров и разложил на нем скромную еду. Затем мы сели на овчину и начали есть.

Мягкий и улыбчивый, он постоянно повторял мне:

– Ешь, дитя мое, ешь, потому что тебе предстоит дальняя дорога до твоего скита.

Сам я же он ел совсем немного.

– Старче, вы уже много лет в монастыре?

– Около тридцати. Перед тем, как прийти сюда, я жил в Ватопедском скиту, в который попал еще в детские годы. В монастырь пришел, чтобы помочь отцам, потому что у них была нужда в ключаре.

– В этой комнате вы давно живете?

– Да. С тех пор, как я пришел сюда, живу здесь. У меня хорошая комната. Ее не сильно достает северный ветер, и зимой здесь тепло. Я растапливаю маленькую печку, и ночью у меня тепло.

– В отношении богослужения вы следуете уставу обители или имеете свой собственный устав?

– Я пытаюсь проводить свои ночи в беседах с Богом. Однако у меня пока еще нет подтверждений, что эти молитвы угодны Богу. Я бью себя в грудь, как мытарь, и взываю: «согрешил», – как блудный сын, чтобы получить оправдание и «первую одежду».

Когда он говорил, из его глаз потекли слезы – это были слезы настоящего святого. Все свидетельствовало о том, что это настоящий освященный монах, и мой старец послал меня к нему специально, чтобы познакомиться с этой святой душой. Ничего большего мне и не нужно было.

Я возвратился в свою каливу и рассказал все, что видел и слышал, и мы все вместе прославили Бога за то, что Святая Гора везде скрывает святых.

Мне посчастливилось быть родом из села в Верхней Мессине, которое называлось Константины. Это село дало в мое время де-

вять монахов! Некоторые из них рано умерли. Из живущих самым молодым являюсь я.

Двое моих земляков монашествовали на Святой Горе. Один из них, по имени Акакий, был даже моим родственником. Он жил в Кавсокаливском скиту, в ксерокаливе святого Иоанна Предтечи, где я учился резьбе. Об этом благодатном монахе я уже достаточно рассказал в главе о Кавсокаливе.

Другой подвизался в монастыре Ставроникита, и в период, когда я жил на Святой Горе, он имел послушание мельника. Мой старец и многие другие отцы из района Святой Анны знали его и помещали его в ряд монахов-подвижников. Его звали Анфим.

Если я хорошо помню, за два года до того, как мне уйти на Гору, я встретился с его покойной матерью – бабкой Маринэной, как ее звали в селе. Я спросил ее, как у нее дела, как ей живется. И она мне ответила:

– Дитя мое, не жила бы я одна столько лет, если бы мой сын не ушел в то место,

где много монастырей. Как он сейчас? Жив ли? Умер ли? Вот и плачу я о своей сирости.

– Не говори так, тетка, – сказал я ей, – ты свое дитя отдала Богу. Когда будешь уходить из этой жизни, тебя примут Ангелы и поведут к Его престолу.

– Аминь, дитяtko мое, аминь.

Мои современники были люди, имевшие сильную веру и страх Божий. Во время поста все мясные лавки закрывались. Мясо ели только больные. В школе учитель часто спрашивал нас, не нарушали ли мы пост.

Накануне великих праздников, когда после обеда звонили в колокол, все бежали в церковь исповедоваться. Двор храма наполнялся людьми. По одну сторону на уступе сидели мужчины, а по другую – женщины. Все сельчане – малые и взрослые – обязательно должны были пройти через епитрахиль покойного отца Антония, а позже – отца Василия. Никто не дерзал пойти причаститься, не поисповедавшись. Священник знал нас всех: молодых и старых. Помнил, кто поисповедался, и только тех причащал.

Во всем селе только какой-нибудь десяток мужчин совсем не исповедовались. Их знали и мы, младшие, и считали людьми, которые были далеки от Бога.

Дом бабки Маринэны находился на расстоянии приблизительно двадцати метров от храма. Рядом с церковью отец Анфим провел свои детские годы.

Как-то раз, когда мне нужно было отправиться в Карею по делам нашей каливы, я попросил у своего старца благословение посетить своего земляка, отца Анфима, на Ставроникитской мельнице. Старец, будучи исключительно скупым на такие благословения, в тот раз к удивлению разрешил и сказал мне:

– Пойди к своему земляку. Он заслуживает того.

Приблизительно через час пути от Карей я оказался в местности, которая своей зеленью и чистыми водами напоминала какую-то экзотическую страну. Здесь находилась живописная мельница, а возле нее я увидел всего в муке мельника отца Анфима.

Он принял меня с любовью и простотой.

– Откуда ты, монаше?

– Из Святой Анны, старче.

– В какой каливе живешь?

– В Рождества Богородицы.

– Ты из общины американцев⁴⁶? Послушник старца Григория? А как ты оказался здесь, в глуши? Имеешь благословение от своего старца?

– Да, имею. Я уже давно хотел вас повидать, и теперь, наконец, пришел

– Ну что ж, добро пожаловать. Садись.

Он указал мне на скамью, а сам пошел принести мне фруктов и холодной воды. Затем мы начали свою беседу:

– Ты молод, дитя мое, и только начинаешь свою монашескую жизнь. Пред тобой длинный и тернистый монашеский путь. Тебе не раз будет больно, не раз ты почувствуешь, что с тобой обходятся несправедливо. Иной раз старец или другой старший брат отсечет твою волю, и тебе будет тяже-

⁴⁶ Наша община была известна под этим именем, потому что, как я уже говорил, три брата приехали из Америки. (Прим. о. Херувима.)

ло пережить это. Или, может, тяжело вставать ночью? Нужна беспощадная борьба с собой, чтобы подниматься в полночь в холод и снег, чтобы совершать свое правило, а затем выстаивать службу до утра. И многое другое...

– Единственное, что может помочь тебе преодолеть все эти трудности, – это то, чтобы отдать всю свою любовь Христу. Тогда все остальное ты не считаешь за трудность, ничто уже не будет препятствием на твоём пути. Конечно, обо всем этом будут говорить тебе твои старцы. Следовательно, мои советы излишни. Но, будучи монахами, о чем еще мы можем говорить? Чем еще заниматься, если не тем, как собирать то, ради чего мы оставили свой дом, родителей – все. Старче, откуда вы?

– Почему ты спрашиваешь? Я издалека, из Пелопоннеса.

Это была удобная возможность открыть ему, что я его земляк, но я не сделал этого. Я предпочел, пока ел фрукты, насладиться покоем и тишиной, которые были явно от-

ражены в его облике и словах. Он же тем временем расспрашивал меня о нашей каливе. Ему хотелось подробнее узнать, как мы живем, какой у нас устав, возделываем ли мы «молитву». Когда я сказал ему, что мои собратья весьма преуспели в «молитве», его лицо просияло.

– Тогда, – сказал он мне, – у тебя есть все средства и самому преуспеть в молитве.

Все мое внимание было поглощено им Я смотрел на него, слушал его, дивился ему. Одновременно я чувствовал в себе непреодолимое желание скорее открыть ему свою тайну. И вот, к счастью, он сам подал мне повод:

– Ты не из Афин случайно? – спросил он меня.

– Нет. Конечно, я довольно долго прожил в Пиреях, однако сам родом из Мессинии.

– Из Каламаты?

– Нет, из северной Мессинии, из села Константины.

Я смотрел ему прямо в глаза, чтобы увидеть, как он отреагирует, услышав название

своего села. Он повернулся и посмотрел на меня как-то странно. Он абсолютно ничего мне не сказал и перевел беседу на другие темы, не имевшие никакого отношения к этой. Я понял, что он хотел избежать темы нашего землячества. Мне же хотелось найти удобный случай вернуться к ней.

– Старче, раз вы из Пелопоннеса, то, конечно, знаете Мессинию.

– Да, знаю, – ответил он сухо.

– Вы были когда-нибудь в Константинах?

– Когда-то и я был в Константинах.

– Значит, вы родом из этого села?

– Да, однако я оставил его свыше сорока лет назад.

– Я из семьи Карамбелеев. А вы из какой семьи?

– Сейчас уже, наверное, никого нет в живых. Ты тогда был маленьким, и никого не помнишь.

– Может, вы сын бабки Маринэны?

– Да, когда-то я был ее сыном.

Он ничего не спросил меня ни о матери, ни о родственниках, ни о своем селе. Я

не мог остановиться на этом Мне хотелось продвинуться дальше.

– Старче, незадолго до того, как уйти на Святую Гору, я виделся с вашей матерью. Она уже очень старая. Мы немного поговорили с ней о вас. Я ей даже сказал, что, поскольку ее сын посвящен Богу, Бог в час ее смерти пошлет Ангелов, чтобы они приняли ее душу и привели к Его престолу. И она ответила мне: «Аминь, дитяtko мое». Что же до вашего отца, то он умер много лет назад.

– Я знаю, – ответил он мне одним словом.

Он обернулся и посмотрел на меня молча, желая прекратить этот разговор. Затем он вернулся к своим любимым духовным темам. Наконец, он выразил желание, раз уж я принадлежу такой славной общине, время от времени узнавать, как я продвигаюсь в монашеской жизни.

Я не знал, какому достоинству его характера удивляться больше: умиротворенности ли, радушию или отчужденности от мира?

Однако время шло, и мне нужно было возвращаться в Карею, а оттуда, на другой

день, – в свой скит. Мое восхищение односельчанином было неопишимо. До тех пор, пока я не достиг Карей, меня не оставляли мысли об отречении старца Анфима. Этот монах обрезал все свои семейные узы и жил блаженным состоянием абсолютной отчужденности. Он обратил «очи сердца» исключительно на Господа Иисуса. Блаженны души, которые наслаждаются теперь плодами своих трудов.

Кутлумушский скит находится ниже Карей, по дороге к Иверскому монастырю. Когда я удостоился его посетить, было лето, июль месяц.

Я отправился в путь очень рано, и последовал дорогой Лавра–Провата, проходя тенистыми тропами северной части Афона У источника святого Афанасия сделал привал. Немного перекусил и попил студеной воды из источника, который тоже был чудом Божией Матери. По преданию, на этом месте, на расстоянии приблизительно одного часа ходьбы от Лавры, наш старец святой Афа-

насий встретил Матерь Божию, Которая утешила его и укрепила в трудностях того периода. И чтобы подтвердить Свое обетование ему, Она повелела ему ударить посохом в скалу, как некогда Моисей в пустыне. Скала отверзлась, и из нее излилась чистая и вкуснейшая вода, которая бежит здесь до сих пор. На этом месте были построены часовня и великолепный павильон. В павильоне был устроен небольшой шкаф, внутри которого заботой и попечением любви отцов Лавры всегда хранились хлеб, сыр или маслины, рак'и и другое подкрепление для уставших путников. Благословенный обычай – любовь на деле. Отдохнув, я продолжил свой путь дальше.

К заходу солнца я достиг Кутлумушского скита. У меня было задание, найти каливу старца Николая Киприота. Здесь меня приняли с большой любовью. После ужина отвели в комнату отдохнуть после целого дня пути. Не успел я закрыть глаза, как почувствовал щипание по всему телу. Я тут же поднялся и увидел, что матрац и покрыва-

ла полны клопов, у которых были... самые агрессивные намерения!

Добрые отцы услышали шум и пришли посмотреть, почему я встал так быстро. Мне не хотелось говорить им о причине, но они сами сказали:

– Кажется, наши добрые друзья подумали, что это был кто-то из нас, и пришли за своей пищей. Нам, отец Херувим, они сильно помогают. Не позволяют спать больше, чем полчаса. Поэтому мы очень признательны им

И старец, с его отличительным смирением и добротой, заключил:

– Я здесь уже пятьдесят лет, и наши добрые друзья не оставляют нас ни на одну ночь. Они делают нам великое благо, потому что не позволяют, чтобы над нами господствовал сон. Они напоминают нам, что монах должен находиться перед Богом как можно дольше.

То, что я услышал, было для меня достаточно. Я удостоверился, что передо мной великие подвижники. Старче Николае, – по-

думал я, – если ради любви Божией ты считаешь своими благодетелями клопов, которые так беспокоят весь мир, догадываюсь, какой должна быть вся твоя жизнь. Однако мой возраст и положение не позволяли мне сказать что-нибудь подобное. Я с восхищением выслушал его и ублажил двух его послушников, отца Максима и отца Спиридона. Насколько и они должны были соответствовать подвижничеству своего старца!

Когда я вернулся в свой скит и рассказал обо всем этом старцу, он тоже, в свою очередь, подивился их подвижничеству. Таким образом он убедился в том, что слышал ранее об этих отцах.

Было время греко-итальянской войны. Мой старец много интересовался кризисной ситуацией, в которой находилась наша родина. Когда я однажды отправлялся в Карею, он поручил мне узнать что-нибудь о ходе войны.

Придя в Карею, я направился в келию Небесных Сил Бесплотных старца Аверкия

-четочника. Сюда приходили все братья нашей каливы, когда нам случалось какое-либо дело в Карее. Благодатная община старца Аверкия. Все отцы были как на подбор: от отца Георгия до последнего монаха.

Старец – серьезный, строгий и благородный монах – выработал для своей общины очень строгую линию, весьма отличную от обычного настроения Карей. Эта калива соперничала с общиной святых Бессребреников змечательного монаха старца Пахомия. Ее составляли монахи-подвижники и хранители предания – последователи и духовные потомки Колливадов.

В келии старца Аверкия я спросил его, как можно получить сведения о военных действиях. Тогда отец Аверкий сказал шутя:

– Твой старец думает, что он до сих пор офицер греческой армии, и хочет быть в курсе боевых действий. Скажи ему, что мы уже постарели и перестали быть солдатами отечества. Наши интересы переместились на Небо. Однако тебе нужно исполнить свое послушание. Когда закончишь свои дела,

ступай в келию отца Стефана. У него есть радиоприемник, и там ты узнаешь все последние новости.

Итак, исполняя свое послушание, я направился в келию отца Стефана. Здесь я прослушал военную сводку и затем отправился в Святую Анну.

Придя в келию, я сделал поклон перед иконой Божией Матери в церкви, облобызал руку своего доброго старца и, согласно нашему уставу, начал пересказывать ему до мелочей все произошедшее со мной во время путешествия.

Я уже усвоил этот основоположный принцип монашеской жизни: старец должен знать о каждом шаге своего послушника, о каждом мгновении его жизни. Старец должен знать все. То, чего не знает старец, и Бог не хочет знать, потому что хочет общаться с послушником только через его старца. Прообразом этого порядка, как меня научил мой духовник, были израильтяне в пустыне. Их связью с Богом был Моисей. Когда Моисей отсутствовал, Бог ли-

шал израильтян Своей защиты. Отцы всех веков единодушны в этом.

Когда я рассказал старцу об утешительных новостях по поводу действий нашей армии, он очень обрадовался. Однако, когда я сказал ему, что услышал это по радио в Карее, он внезапно изменился в лице, оставался некоторое время задумчивым, а затем начал с большой строгостью укорять меня за то, что я, будучи монахом, осмелился слушать радио. Он наказал меня отлучением на определенный срок от Божественного Причастия и сотней поклонов сверх положенного правила.

Он подчеркнул, что монах должен находиться далеко от любого новшества, которое делает жизнь легкой и удобной. Монах ни на пядь не должен отступать от узкого и тесного пути, который добровольно выбрал.

– Будь внимателен, – сказал он мне, – ибо новшества и мирские вещи являются совершенно чуждыми и вредными для аскетического монашеского духа. Если встретишь у монаха, в скиту или в монастыре

какую бы то ни было форму новшества, не жди там преуспевания. Там отсутствует отречение от мирских вещей, следовательно, отсутствует и Бог. А где отсутствует Бог, что присутствует?..

На Святой Горе, – продолжил он, – как и в каждом монастыре, самым большим врагом является новшество – от самой незначительной мелочи до серьезных его форм. Это то, о чем Апостол Павел сказал: «Не сообразуйтесь с веком сим»⁴⁷. Представь себе: вот, ты читаешь слова Святых Отцов и, закрыв книгу, поворачиваешь голову и видишь, что находишься в роскошной комнате со всеми мирскими удобствами. Какой разрыв будет между тем, что ты читал, и тем, чем живешь и движешься! Поэтому, если хочешь оставаться верным духу наших отцов, что является единственным условием нашего спасения, бегай, насколько можно, проклятого новшества. Твои монашеские одежды, твоя комната, твоя трапеза, еда, питье и даже само угощение

47 Рим. 12, 2.

должны источать святое отеческое прошлое. Окинь взглядом наш скит, и, если найдешь где хотя бы малый мирской помысел – он будет бороться против монашеской добродетели.

Я сделал земной поклон, попросил у него прощения и, как золотой вклад, спрятал в своем сердце его слова, исполненные духовности.

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В КАРУЛЕ

Постепенно я начал, чувствовать, что все больше проникаю в смысл монашеской жизни. Не было уже ничего, что не находило бы отзвук в моем сердце. Все я принимал как голос Божий, как голос преподобных Отцов, чье святое предание достигло нашей эпохи и облагодухало все наше бытие. В лице каждого монаха, которого я знал или с которым встречался, я пытался видеть Святых Отцов, которые пережили и освятили благодатный путь нашего ангельского жительствова.

Невозможно описать все, что человек переживает в этом окружении. Описав самое важное, теперь скажу несколько слов о последних шести месяцах своего пребывания на Святой Горе, которые я прожил в Каруле. Я считаю это великим даром Божиим, ибо, хотя и ненадолго, но я все же испытал жизнь Карули, общаясь с карульскими отцами.

Почти через два года после моего возвращения из Кавсокаливвы мой старец, утомленный некоторыми трудностями, возжелал небольшого душевного отдыха в Каруле.

Я имел исключительное благословение сопровождать его и жить возле него, прислуживая ему в этом освященном месте. Мы нашли одну оставленную келию и, с разрешения материнской обители – Святой Лавры, поселились в ней. Была весна после Пасхи 1942 года.

В нашей каливе было две келийки и небольшая кухня. Была также веранда, которую мы использовали как церковь. Здесь мы читали свои последования. Западная стена каливы рискованно подступала к обрыву над морем. Наша жизнь в Каруле была очень суровой. Из продуктов у нас почти ничего не было. Все необходимое мы регулярно приносили из Святой Анны. Два-три раза в неделю я ходил в скит, чтобы взять овощи и другие продукты. Молитвами старца я делал это с большой охотой и выносили-

востью. Единственным утешением в нашей ксерокаливе было два миндальных дерева. И больше ничего. Мы даже не расставляли резервуаров, чтобы собирать дождевую воду. Водой нас снабжал один русский монах – отец Нил, живший в соседней каливе.

Жаждет душа, пламенно жаждет Бога в пустыне Карули; жаждет и тело. Безводная, бесплодная, пустынная, ужасная Каруля... Однако, сколь бы немой и суровой ты ни была, сколь ни казалась бы недоступной и отталкивающей, сколь бы ни называли тебя ужасной, приходил момент, когда душа наполнялась прохладной и таинственной радостью.

Не знаю, может, потому, что я был молод, я чувствовал эту сокровенную радость? Потому, что был молод и полон энтузиазма, которому я позволял оставить очаг души, дойти до ее краев и излиться на те скалы – на скалы, которые оттачивали и закаляли обоюдоострый меч моей любви к подвигу. Из-за этого или из-за места, которое делало сердце каждого аскета сильным и всегда молодым?

Отцы-пустынники, вкусившие мед покоя, трезвения и умной молитвы, жили здесь, подобно орлам духа, кто тридцать, кто двадцать, кто десять лет. Вкусившие сладость присутствия Христова, сугубо утешительного, сугубо вожделенного, сугубо живого в этой молчаливой, сухой местности.

Как содержали себя карульские отцы? Как жили на нескольких сухарях, польни, опунции и миндале?

Тем не менее, невзирая на всю свою бедность, невзирая на совершенную нестяжательность, они ощущали счастье, духовную безопасность, предвкушали вечное блаженство. Образы всех этих аскетов, счастливых детей Божиих, всплывают теперь в моей памяти. У каждого была своя особая благодать, свое особое духовное достоинство. Отец Нил, отец Зосима со старцем Никодимом, великодушный отец Парфений, имевший аристократическое происхождение, отец Варфоломей...

Кроме тех, о ком я рассказал читателю, особо следует выделить двух избранных

отцов – русского иеромонаха отца Софрония (Сахарова) и строгого пустынника отца Гавриила.

Первый в то время жил немного ниже нашей каливы. С разрешения своего старца я имел великое благословение и особую честь быть духовным чадом отца Софрония, когда духовник нашей общины, отец Христофор, переселился из Карули в Ватопедский скит.

От отца Софрония я узнал, насколько обогащает душу пребывание в покое и молитве. Я наслаждался его знаниями, его опытом и святостью. Меня пленило величие этой души, и я хотел остаться в Каруле навсегда, хотя меня, молодого и новонаначального, там поджидало множество трудностей.

У отца Софрония было разностороннее образование, он знал много языков, но лучше всего греческий и, прежде всего, древнегреческий. Тем не менее, эта его образованность не прельщала меня. Больше всего влекли к себе его добродетельность, духовное сияние и возделывание молитвы.

Он описал мне множество способов молитвы пустынников Карули. Способ, которым пользовался он сам – пусть он мне простит, что я раскрываю сугубо личные стороны его духовной жизни, – состоял в повторении молитвы Господней, «Отче наш», с воздеванием рук к небу.

Это повторение происходило в медленном ритме, по слогам, чтобы ум и сердце уловили, сделали своей собственностью содержание каждого слова Богоданной молитвы, проникая в ее глубочайший смысл. Он начинал молиться с вечера и заканчивал при восходе солнца. Безусловно, отец Софроний должен был творить и умную, сердечную молитву Иисусову. Он и сам говорил мне, что «Отче наш» есть подготовительный способ, некая предварительная стадия и предварительное упражнение перед совершенной, духовной, умной молитвой.

Как известно, отец Софроний находится сейчас в Англии. Он является основателем Ставропигиальной обители святого Иоанна Предтечи в графстве Эссекс, возле Лондона,

и, безусловно, как и я, должен с ностальгией вспоминать карульскую жизнь.

Отец Гавриил Карулиот безмолвствовал немного выше нас. До Святой Горы он был полицейским. Однако он оставил свои полицейские звания и пришел в пустыню, где начал страшную и неумолимую брань со своим злодейским «я», как он сам говорил.

Его пост, а лучше сказать, совершенный отказ от пищи, был строжайшим и приближался к посту древних аскетов. Масло он вкушал только по субботам и воскресеньям, и то если имел. Причащался Пречистых Таин дважды в неделю. Избегал всякого общения с мирскими посетителями, многие из которых приходили из любопытства и праздности, не имея какого-либо духовного интереса. Одновременно он ненавидел превозношения и почести и делал все, чтобы их избежать.

Лично я его видел только два-три раза, несмотря на то, что мы были соседями. Один раз – расскажу об этом, потому что сейчас он уже находится на небесах, и ему

не угрожает опасность превозношения, – я видел его сидящим на балконе с поднятыми руками, под палящими лучами летнего солнца, обнаженным по пояс – очевидно, для обуздания плоти. Каждую минуту своей жизни он осуществлял на практике определение монаха, которое дает преподобный Иоанн Лествичник: «Монах есть постоянное понуждение естества». Он на самом деле был великим обуздателем естества.

Чем больше проходило времени, тем больше я привыкал к духовному климату Карули. Однако было тяжело приспособиться к ее природному климату. Тем не менее, я боролся, чтобы победить свое естество, которое затруднялось переносить жару лета посреди этих крутых и удушливых скал. Их обитатели были настоящими мучениками. Таким образом я на деле осуществил то, о чем старец часто говорил мне: «Слезы монаха имеют очистительное значение для души, когда смешиваются с его потом».

Здесь мне была дана возможность опыт-

ного познания аскетических писаний, может быть, лучшая в моей жизни. «Поучайтесь и знайте...» Пустыня Карули является идеальной «школой». Идеальное место для чтения и изучения науки, место для философии и слез, место для познания Бога, место для Божественной любви, Божественного эроса.

Мой старец, который располагал исключительными способностями и искусством углубляться в святоотеческие тексты и толковать их, построил из этого старого и испытанного веками материала дом своей души. Больше всего ему нравилось читать из «Добротолюбия» преподобного Марка Аскета. Приведу несколько изумрудов из его 200 глав «О законе духовном», которые старец часто мне читал:

*15. Не возносись,
источая слезы на молитве.*

Ибо Христос прикоснулся к твоим глазам, и ты духовно прозрел.

9. Если у тебя родился помысел, подталкивающий к человеческой славе, знай хорошо,

что тебе уготовляется позор.

101. Ум ослепляется

следующими тремя страстями:

сребролюбием,

тщеславием и сладострастием.

175. Во время скорби

сведи за нападением наслаждения,

ибо оно легко принимается

под предлогом утешения в скорби.

Насколько правы были византийцы, когда говорили: «Все продай и Марка купи»⁴⁸!

Такой твердой пищей питались наши души в Карульской пустыне. Пищей, полной духом Божиим, светом и истиной. Пищей, которая делала душу сильной, устойчивой, гранитной, гибкой, победительницей в умной брани, а тело – невесомым, закаленным, покорным. Слова Господа, которые «вождеденнее золота и даже множества золота чистого, слаще меда и капель сота»⁴⁹, насыщали наши сердца.

Шесть месяцев, проведенные в Кару-

48 «Марка купи» – то есть «купи труды Марка Подвижника».

49 Пс. 18, 10.

ле, останутся неповторимой вехой на моем жизненном пути. Здесь я стяжал опыт того, что читал или слышал о пустынном жительстве и святых аскетах.

Я надеялся, что, возможно, еще некоторое время мне удастся пожить со своим старцем в Каруле. Но, «человек предполагает, а Бог располагает». Ничто в этой жизни не является случайным совпадением. Все следует по пути, который предначертывает Божественный Промысл, пекущийся о преуспевании и спасении всех, даже если кто-нибудь противится его планам.

Серьезная болезнь – острый тонзиллит с осложнениями на сердце и почках – поставила мою жизнь под угрозу, как заключил отец Николай-григориат – ученый врач. «Отец Григорий, – сказал он моему старцу, – если ты сейчас же не пошлешь своего монаха в больницу, то потеряешь его».

Это заставило моего старца принять решение послать меня на операцию в Афины. Был октябрь 1942 года. Немецкая оккупа-

ция проникла в каждый уголок мученической греческой земли. Средств сообщения не существовало. Поэтому мне нужно было отправляться в путешествие на рыболовном судне и, с тысячью предосторожностей и опасностей пробираясь по Эгейскому морю, которое было усеяно минами и над которым часто пролетали немецкие самолеты, с помощью Божией и Богородицы достигь Волоса, а оттуда уже добираться до Афин.

Моя боль была непереносима. Моя скорбь – неопишима. Я хорошо знал, что Эгейское море, мины, немецкие летчики, которые, возможно, заметят нас и будут в нас стрелять, – что и произошло на самом деле, – все это символизировало новую реальность. Это символизировало море житейское, в котором совершенно неожиданно, о чем я никогда и не помышлял, мне предстояло оказаться. Это символизировало мины лукавого, нападения сил тьмы. Однако я уповал на молитвы своего старца, которые, как щит, должны были защищать меня на каждом

шагу. Я облобызался с ним с болью в душе. Он, взволнованный, благословил меня. И я удалился с сердцем, полным скорби от разлуки и мечты о дне возвращения...

НОСТАЛЬГИЯ

Четыре года, которые Матерь Божия сподобила меня прожить на Святой Горе, были для меня настоящим откровением. Откровением драмы падения и возвращения человека к «первой красоте». Всякий может видеть, как эта драма повторяется в кровавом пути каждого истинного монаха, который через участие в Богочеловеческой личности Христа побеждает плотскую жизнь, побеждает плотскую смерть и участвует в бессмертной и вечной жизни Воскресения.

Отцы, с которыми я удостоился познакомиться, погребли все свои знания, знание языков, аристократическое, царское происхождение, должности, почести, высшие звания – общественные и военные, – как излишние и бесполезные, в скалах пустыни, в строгом скитском подчинении, в незаметности кинонии, и приобрели Небесное Сокровище. Под своей убогой рясой и аскетической плотью эти Ангелы во плоти обрели многоценный бриллиант – Христа.

Сегодня живы немногие из тех, о ком я рассказал. Большинство из них уже стали наследниками Бога и сонаследниками Христа⁵⁰, наслаждаются бесконечным блаженством близ своего возлюбленного закланного Агнца, облаченные в белые одежды, с царскими венцами на голове, и «поют новую песнь»⁵¹, как члены войска из «ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли... которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел»⁵².

Отцы мои благодатные, если бы вы сейчас могли вернуться, хотя бы ненадолго, в место своего преобразования, на Афон, обрели бы ли вы здесь тот путь жизни, который переняли и который столькими трудами и жертвами сохранили? Нашли бы ли тот дух, в котором потрудились с таким самоотречением, желанием сохранить предания, которые всегда являются оболочкой сущности? Увидели бы ли на челе подвижающихся здесь ныне пот, а в их глазах – слезы радостотвор-

50 Рим. 8, 17.

51 Откр. 5, 9; 14, 3.

52 Откр. 14, 3-4.

ной скорби? Узрели бы ли ту нищету, отвержение всякого новшества и всего мирского, совершенное устремление ума и сердца к Богу, которыми вы сами жили? Услышали бы ли свое молчание? Нашли бы ли свои потертые четки, перелатанный и выцветший подрясник, поучительную внешность, «глаза долу»? Встретили бы ли то, чем сами жили, с пролитием крови, беспокойством и борьбой – жажду вечности? Увидели бы ли все это или с разочарованием вернулись к красотам небес, отворачивая свое лицо от нас, нерадивых?

Отцы святые, отцы бессмертные, я первый, кто предал то, что вы передали нам в наследство. Возможно, есть и другие. Поэтому, отцы, примите моления своих недостойных чад.

Походатайствуйте, попросите вместе с нашей Матерью, Госпожой Богородицей, Царицей Афона, Ее Сына и нашего Бога – Того, Чье Имя было столь глубоко запечатлено в ваших умах и сердцах, и Который услаждал вашу гортань «слаще меда и

капель сота»⁵³. Попросите благодатью все вместе, Святые всех веков, «в подвиге и чистоте просиявшие» на Афоне, чтобы то, что унаследовали вы, было невредимо сохранено вашими преемниками. Молите, чтобы не распалась золотая цепь святогорского предания, но чтобы от преподобного Петра Афонского и до самого последнего монаха, который будет жить на Святой Горе, продолжались дух, жизнь, устремления и все, что составляет сущность и образ афонского жительствова.

Афон должен навсегда остаться мастерской, в которой будут обрабатываться души и посылаться в вечный свет небесный. Вседостопочтенные Отцы, будьте нам живым и вечным примером: все последующие монахи пусть живут так, как прожили вы, пусть едят, как ели вы, одеваются, как вы одевались, разговаривают, как вы разговаривали, сидят, как сидели вы, спят, как спали вы, молятся, как вы, служат Иже в Троице Богу с той же Боже-

53 Пс. 18, 10.

ственной пламенностью, как служили вы...

Отцы мои многовожделенные! В ваших оневеществившихся образах я увидел, рядом с вами вкусил, «яко благ Господь», ибо вы были живыми сосудами Святого Духа, «благоухающими цветами Рая», непрестанно пребывающими в борьбе и терпеливом ожидании вожделенной минуты вашего взятия из преходящей суеты, когда вы будете пересажены из удела Богородицы в удел Царства Небесного.

Святые аскетические образы, вы носите на себе кровавые пятна подвигов мученического пути, кровавые пятна Христа! Вы являетесь для меня героическим примером в поисках нашего Небесного Жениха. Вы на всю жизнь стали для меня проводниками и светилами «в месте пусте». Был ли когда день, когда я не вспомнил бы о вас, не говорил бы о вас, о вашей борьбе и потах, которые перед престолом Господним вменияются в мученическую кровь?

Я дошел до предела своего вожделения к вам и к вашей ангельской жизни. Использо-

зовал всякое слово своего скудного ума, каждый удар своего измученного сердца, чтобы восхвалить вас – где бы мне ни доводилось быть. Потому что я знаю, что говорю истину – истину, неизвестную миру: о вашем незаметном, тайном, несравненном героизме в умной брани против страстей и дьявола. Однако, даже если бы я имел силу и золотые уста Златоуста, то и тогда не смог бы описать того, чем обязан весь мир вашему молчаливому, незаметному существованию.

Вся ваша жизнь, борьба и устремленность прошли тайно, в исихастской «клетке»⁵⁴ пустыни. Однако в День оный Отец Небесный воздаст за ваши труды явно, чтобы вся вселенная познала, что есть широта и глубина и высота⁵⁵ тех райских существ, которые называются монахами-святогорцами, каково их непостижимое значение для общества, для тела Церкви, для всего человечества...

54 Мф. 6, 6.

55 Еф. 3, 18.

СВЯТОГОРСКИЙ СЛОВАРИК

Архондарик монастырская гостиница.

Архондаричный монах, в обязанности которого входит прием и забота о посетителях.

Дикей старец одной из калив скита, избираемый на год в качестве главного скитского администратора. В его обязанности входит также присмотр за *кириаконом*.

Калива буквально «хижина». В каливе, как правило, живет самостоятельная монашеская община, во главе со *старцем*. Обычно калива меньше *келии*. Имеет внутри храм. Несколько калив образуют вместе *скит*.

Кафизма особый вид *келии*. Как правило, располагается возле материнской обители и находится на ее обеспечении.

Кафоликон центральный храм монастыря или общежительного скита.

Келия а) отдельная комната монаха в *каливе* или монастыре, б) поселение, в котором живет отдельная монашеская общи-

на. Келия обычно имеет храм.

Киновия монастырь, во главе которого стоит игумен, избираемый самой братией, так что никто не имеет права снять его. В киновийных монастырях братья имеют общую трапезу, общее и обязательное для всех богослужение, общую собственность.

Кириакон центральный храм скита, куда по воскресениям и праздникам собираются для совместного богослужения монахи со всего скита. При кириакоме находится архондарик скита.

Ксерокалива калива, которая не получает воду от скита, но пользуется дождевой водой, которую собирают в специальные резервуары. Монах, живущий в ксерокаливе, не может быть избран Дикеем.

Особножительный монастырь монастырь, в котором братья живут каждый по своему уставу. В особножительных монастырях нет общих обязательных богослужений, послушаний и трапезы. Монахам разрешается иметь собственность. В настоящее время на Афоне не осталось особно-

жительных обителей.

Послушник монах, который живет под духовным руководством *старца*; при этом он может быть даже в сани и в великой схиме.

Кинот центральный соборный орган управления Святой Горы, в который входят представители всех монастырей Афона

Скит монашеское поселение, подчиненное своему материнскому монастырю. Управляется избираемым на один год *дикеем*. Состоит из *калив*, каждая из которых живет по своему собственному распорядку. Существуют также так называемые общежительные скиты, которые от монастырей отличаются только тем, что находятся в зависимости от своей материнской обители.

Старец в греческих монастырях старцами называют игуменов, потому что служение игумена в них не отделено от служения духовника. То есть игумен, который всегда выбирается самой братией из числа наиболее опытных монахов, является также духовником монастыря. Старцами называют

также тех, кто совершает духовное руководство в *каливе* или *келии*. Однако в таком случае старец не обязательно является и духовником, то есть не совершает таинства исповеди.

Стасидия специальное сидение с подлокотниками, в котором можно сидеть в храме во время богослужения.